

Узнающий детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

•
Девушки обожают неприятности,
или Рукопашная с Купидоном
•

Пиковая дамочка Лайма Скалбе

Галина Куликова

**Девушки обожают неприятности,
или Рукопашная с купидоном**

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Девушки обожают неприятности, или Рукопашная с купидоном /
Г. М. Куликова — «Эксмо», — (Пиковая дамочка Лайма Скалбе)

ISBN 5-699-17262-9

Не успела Лайма сделать предложение пожениться своему бойфренду Алексею Болотову, как на ее голову посыпались неприятности. Во-первых, пропала подруга Соня, а во-вторых, ее завербовал полковник службы госбезопасности. Задача спецгруппы, куда входит Лайма, – охрана индийского гостя, лидера нового религиозного движения, за которым охотятся неоатеисты. Лайме дали в подчинение двух мужчин: хакера и бывшего спецназовца. Троица не знает, что их судьба предрешена и они должны умереть вместе с пророком-индусом. Но и коварный полковник не подозревает, с кем связался... Вскоре произошла еще одна неприятность: из гостиницы похитили соблазвившую пророка красавицу Нику, а главный подозреваемый – индус. Лайма и товарищи должны найти настоящего преступника, и тут выясняется, что Соню и Нику увезли на белой иномарке с тонированными стеклами. Вот это финт! Что это – совпадение или дело рук одного человека?!

ISBN 5-699-17262-9

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Содержание

1	5
2	14
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Куликова

Девушки обожают неприятности или Рукопашная с купидоном

1

Чиновники беззастенчиво покушались на здание Независимого центра культуры, где граждане проводили досуг, и одну за другой засылали в центр комиссии, чтобы те нашли, к чему придраться. Не потому, что там, наверху, были против культуры. Ничего подобного. Просто культуру можно переселить в спальный район, ничего с ней не сделается. А освободившийся особняк выгодно сдать в аренду какой-нибудь крупной фирме.

Нынешняя группа проверки состояла из двух человек. И женщина, и мужчина были в очках и держали в руках по портфелю.

– Какие у вас сегодня мероприятия? – спросил мужчина, сверху вниз глядя на директора центра, Николая Ефимовича Шепоткова.

Маленький и толстый Шепотков бежал рядом с проверяющими и смотрел на них подобострастно, как собака, встретившаяся с хозяевами после долгой разлуки.

– Мероприятия? Э-э-э... Надо спросить у Лаймы, – ответил он.

– Это еще кто?

– Лайма Скалбе, наш распорядитель. Распорядительница, – уточнил он, открывая свой кабинет. – У нее все под контролем.

Лайма Скалбе действительно все держала под контролем. Коллеги по центру считали, что она так и родилась – в деловом костюме и с решительным выражением на лице.

– У Лаймы всегда все идет по плану, – еще раз заверил комиссию Шепотков. – Никаких эксцессов.

И тут помещение центра огласил истошный женский крик. К нему присоединился топот множества ног, грохот и высокий поросячий визг. Шепотков бросился к двери, толкнул ее ладошками и вывалился в холл.

– Что, пожар? – крикнул он, увидев толпу людей, несущуюся к выходу. – Не волнуйтесь, товарищи, мы оснащены огнетушителями! – На бегу он извернулся и заверил семенящих за ним ревизоров: – Мы всем, чем надо, оснащены! На случай эксцессов...

Лайма Скалбе тоже услышала крик и поспешила на место происшествия. Мужская половина комиссии, увидев ее на лестнице, тихонько хрюкнула. Распорядительница была что надо – светленькая, длинноногая, большеглазая. Если бы не высокомерный вид, ее можно было бы назвать хорошенькой. Даже очень хорошенькой. Ревизор вздохнул. Он всегда считал, что карьеристки губят на корню собственную привлекательность. В самом деле: можно ли увлечься женщиной, которая разговаривает командным тоном и мгновенно принимает решения? Эта прилизала волосы и надела туфли на низком каблучке – специально, чтобы выставить на первый план свои деловые качества и завуалировать женские. Честное слово, глупо.

Лайма схватила за руку пробегавшую мимо расхристанную мадам, которая тонко подвывала на ходу, и требовательно спросила:

– Что случилось?

– Яков Семенович! Яша... – запричитала мадам, вырываясь. – Он забрался на крышу и собирается прыгнуть вниз! Ужас, ужас!

«Так я и знала, – обреченно подумала Лайма. – Сегодня непременно должно было произойти что-нибудь отвратительное». Она еще утром поняла, что день не задастся. Ночью шел

дождь, и пиджак Болотова, забытый на спинке стула возле открытого окна, безнадежно намок. Болотов рассердился и принялся Лайме выговаривать:

– Я точно помню, что после программы новостей попросил тебя повесить мою одежду в шкаф. Мне как раз позвонили, и я ушел в другую комнату. – Он перекладывал глазунью из сковородки в тарелку, аккуратно поддевая желтки лопаткой. При этом ни один не растекся: у Лаймы так никогда не получалось. – В доме должен быть порядок. Если разбрасывать вещи, жизнь превратится в хаос. У моей младшей сестры всегда все вверх дном. Когда она собирается на работу, дым стоит коромыслом. Тебе такое и не снилось.

Лайма едва заметно усмехнулась. Знал бы Болотов, в каком сумасшедшем доме она выросла! Ее мать была художницей, творческой личностью, и поэтому они жили, как хиппи. В доме постоянно ночевали посторонние, все они ели, пили и творили, не обращая никакого внимания на девочку. Уроки ей приходилось делать среди куч барахла, в комнатухе, пропахшей красками, олифой и растворителями.

В точности так жили сейчас ее бабка и тетка. Они собирали по помойкам ветхую мебель, приводили ее в порядок и расписывали цветами и фигурами фантастических животных. Некогда шикарная квартира с большим холлом, кладовками и лоджией стала похожа на разгромленный склад старых вещей. На сегодняшний день две эти женщины оставались единственными родственницами Лаймы. Она любила их, но жить, как они, отказалась категорически. И из всех сил боролась с генами, которые то и дело подбивали ее на всякие глупости.

Болотов, педант и чистюля, высоко ценил Лайму именно за те качества, которые она приобрела в долгой и упорной борьбе с собой.

Встряхнув головой, чтобы отогнать посторонние мысли, Лайма поспешила вслед за бегущими людьми и остановилась рядом с вахтером, который топтался возле распахнутой двери на улицу. Снаружи собралась огромная толпа взволнованных людей.

– Яков Семенович! – закричал мужчина в клетчатой рубашке, сложив ладони рупором и задрав голову кверху. – Ты же взрослый человек! Подумаешь, Мишка тебя обставил! Это же не конец света. Из-за такого с крыши не прыгают.

Лайма не стала тратить время на то, чтобы своими глазами увидеть мятежного Якова Семеновича. Вместо этого она попыталась узнать у вахтера, в чем суть дела.

– Вот, клуб «Рыболов» в полном составе взбаламутился, – охотно объяснил тот. – Яков Семенович был уверен, что стал победителем конкурса – выудил из речки самую большую рыбину. А когда начали мерить – оказалось, что его улов только на второе место тянет. Вот он и психанул. Подсуживают, говорит. Старый дурак! Ему бы дремать в скверике с газеткой, а он вон что – с крыши сигать.

Лайма развернулась и побежала в свой кабинет, вызывать пожарных и милицию. Шепотков вместе с комиссией двинулся вслед за ней. И тут прямо им под ноги бросился огромный серый кот с черным ухом. Ревизор едва не полетел вверх тормашками на пол и раздосадованно воскликнул:

– Что это у вас?! Звери носятся, как в зоопарке!

– В малом зале заседает клуб любителей кошек, – на ходу пояснил Шепотков. – Есть еще клуб любителей домашних грызунов, они обычно собираются в красной гостиной. А собачники – те на терраске любят.

– Черт знает что, – пробормотала разгневанная комиссия, продолжая бег трусцой. – Развели культуру...

Наконец Лайма ворвалась в кабинет и бросилась к телефону. Быстро и деловито обрисовала ситуацию дежурному по городу. Шепотков и сопровождающие столпились тут же, жадно глядя ей в рот.

– Сто лет у нас ничего не случалось, – посетовал директор, обернувшись к ревизорам. – А вот вы пришли – и нате вам!

Не успел он закончить, как в кабинет постучали.

– Да! – хором крикнули все четверо. – Войдите!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась молоденькая девица – растрепанная и несчастная. Глаза у нее были огромные и дикие, а к груди она прижимала младенца в цветастых ползунках и чепце с оборками.

– Лай... Лай... – начала девица, пытаясь отдышаться.

– Спокойно, мамаша, – сказала ревизорша. – Не надо нервничать.

– Да я... Да вот... Я так торопилась...

– Такое впечатление, – встрял Шепотков, – что вы бежали по дикому лесу и за вами гнались дровосеки. Ну, что вы стали как изваяние? Все в порядке, волноваться нечего. Несите своего ребеночка домой, мы тут сами разберемся.

– Это не мой ребеночек! – воскликнула девица, и в тот же миг Лайма ее узнала.

Девчонку звали Олесей, и служила она нянькой у Лайминой подруги Сони Кисличенко. На руках у няньки, без сомнения, сидел десятимесячный Петя, Сонин сын.

– Олеся, это ты! – испугалась Лайма. – Что случилось? Что с Соней?

– Софья Аркадьевна куда-то подевалась. Исчезла она, – выпалила девица, и крупные слезы покатались по ее пухлым щекам и обкапали ребенка. – Ее уже третий день как нету. А у меня билет на поезд, я к мамке собралась. Мамка меня встречать будет, как же я не приеду? Я уж и сумку сложила, и гостинцев понакупила, а хозяйка-то все не приходит и не приходит.

– И ты только сейчас об этом говоришь? – ахнула Лайма. – Уже три дня прошло!

– Откуда я знаю, почему ее нет, – немедленно ошетибилась девчонка, и слезы высохли на ее молодых щеках как по мановению волшебной палочки. – Она, может, по личным делам отсутствует. Уходила, вся из себя накрутилась и начесалась. – Олеся подошла поближе и сунула пухлощекоего ребенка Лайме. Понижила голос и добавила: – Папашу Петенькиного Софья Аркадьевна собиралась оповестить о том, что он – папаша. Он вроде как не в курсе был. Она говорила: «Трудно мне, Олесенька, одной сыночка поднимать. Не вытяну. Пусть этот негодяй тоже впрягается».

Лайма сомневалась, что Соня выразила свою мысль именно такими словами, но сейчас ее меньше всего интересовали частности.

– Ты кому-нибудь сообщила? – спросила она, легонько подбрасывая упитанного Петю, который подозрительно сопел у нее на руках.

– Да кому ж сообщать? – удивилась нянька. – У Софьи Аркадьевны мамы-папы под боком нет, она сама говорила, что далековато вся ее родня, аж в Сибири.

– Почему же ты мне не позвонила? – не унималась Лайма. – Трое суток!

– Да... Телефонную книжку я найти не могла, весь дом перерыла. А мне уж ехать! Тут я и вспомнила, как мы однажды мимо этого культурного дома проходили, а Софья Аркадьевна и говорит – вот тут моя подруга работает, Лайма. Ну, я вас в лицо-то пару раз видела и решила, что запросто отыщу. Петеньку в коляску положила – и бегом сюда. Ключи от квартиры вот...

Она шмякнула на стол связку ключей и посмотрела на Лайму с опаской – не воспротивится ли?

– Ты не можешь так уехать! – запротестовала та. – Надо пойти в милицию.

– Чевой-то не могу?! – завопила девчонка, наверняка ожидавшая возражений. – У меня и сумка собранная. Там стоит, возле коляски, у вахтера. В ней гостинцы и билет! Мамка меня будет ждать и сестры...

– Адрес свой оставьте, – встряла ревизорша. – Если что, вас милиция сама найдет. – Потом высунулась в распахнутую дверь, прислушалась и пробормотала: – Все еще шумят.

– Надо поглядеть, как там этот дурень Яша, – оживился Шепотков. – Прыгнул или все еще на краю крыши топчется?

Ему совершенно точно не хотелось находиться в одной комнате с младенцем, а тем более, брать на себя ответственность за его судьбу. Поэтому он скоренько ретировался, а сумрачные ревизоры последовали за ним. Девчонка тоже попятилась, приговаривая:

– Адрес я вот тут написала, на бумажке... Я ж не дура, знала, что спросите. А в милицию мне зачем? Софья Аркадьевна ушла, ничего не сообщила... И когда придет, не сообщила. И не звонила даже. А больше я ничего не знаю. Так что в милицию мне ни к чему...

– Подожди! – крикнула Софья, пытаясь устроить сопящего Петю поудобнее. Он был тяжелый, как мешок с камнями, и норовил выскользнуть из рук.

Однако зря она кричала – девчонка улетучилась, словно дымок, подхваченный ветром. И даже дверь за собой захлопнула. Лайма не успела толком растеряться, как в кабинет снова кто-то постучал. Через минуту на пороге возникла сдобная толстуха, преисполненная горя.

– Все кончено, – сообщила она трагическим тоном и вытерла тыльной стороной ладони заплаканные глаза. – Яша сдох.

Лайма так изумилась, что едва не выронила ребенка.

– Простите... – пробормотала она. – Как – сдох? Умер?

– Умер, – подтвердила толстуха. – Скажите, как я буду без него?

Она упала на ближайший стул и принялась раскачиваться, словно шаман, творящий заклинание.

– Неужели пожарные не успели?

– Что могут сделать пожарные в такой ситуации?

– Господи! – воскликнула Лайма. – Мне так жаль.

– Мне тоже жаль, – простонала толстуха. – Мой дорогой, любимый Яша! От него остались только усы... – она заплакала. – Усы и хвост...

– Хвост? – изумилась Лайма. – Простите... Какой хвост? У Якова Семеновича был хвост?

– Почему вы называете мою крысу по отчеству? – вскинула голову толстуха. – Он был просто Яшкой. И его съели прямо на заседании клуба. Он выбежал из клетки, – пояснила она. – А тут кот. Серая скотина! Я и пикнуть не успела, как он вцепился в Яшу и потащил...

Лайма тоже села на стул. Ребенок принялся обсасывать нитку искусственного жемчуга, обвивавшего ее шею. Она машинально отобрала бусы, тогда Петька набрал в грудь воздуха и завопил так, что прибывшие к зданию центра милиционеры немедленно вооружились.

– Тю-тю-тю, Петенька, не плачь! Сейчас будем искать твою маму!

Лайма вскочила на ноги и начала расхаживать по кабинету, легонько потряхивая мальчишку. Перспектива ухаживать за ним в ближайшее время пугала ее невероятно. Все друзья и знакомые считали, что для Лаймы не существует неразрешимых ситуаций, что она сильная и храбрая. Лайма гордилась этим. Но младенец! Перед младенцем она ощущала подлинный трепет. Одно неловкое движение – и ему вполне можно что-нибудь отравить или отломить. Ужас.

Толстуха, у которой съели любимую крысу, наконец ушла. Когда она открыла дверь, Лайма увидела, что перед входом в центр стоит пожарная машина и бегают спасатели в жилетах. Судя по всему, Якову Семеновичу так и не удалось сигануть вниз.

Ребенок тем временем продолжал вопить, и Лайма окончательно разнервничалась. Она решила, что нужно срочно звонить в милицию. Чтобы Соня бросила свое чадо на целых три дня? Невероятно. Она была не из тех мамаш, которые пускаются в долгие загулы. Ах, если бы эта дурочка Олеся пришла к ней раньше! Три дня... С Соней наверняка что-то случилось. Может быть, она в больнице? Без сознания?

О самом плохом вовсе не хотелось думать. Лучше не размышлять, а действовать. Стоит поговорить с Любой Жуковой – вдруг она что-то знает? Люба, Соня и Лайма дружили уже много лет и знали друг о друге все. Или почти все. Однако звонить куда бы то ни было с вопящим Петей на руках никак невозможно.

– И что мне с тобой делать? – в отчаянии спросила Лайма.

Петя продолжал надсаживаться, широко разевая рот и демонстрируя луженое горло. «Девчонка что-то говорила про коляску», – вспомнила Лайма и отправилась к вахтеру. Навстречу ей попался директор, вытиравший пот со лба.

– Фу-х, – возвысил он голос. – Сняли подлеца. Сопротивлялся, как зверь. И не скажешь, что пенсионер. Вот и верь, что им пенсии на прокорм не хватает. Откуда только силища?

– Николай Ефимович, мне надо уйти. Пристроить мальчика.

– Ладно-ладно, – засуетился тот. – Несите его поскорее прочь, а то у меня от него внутри все вибрирует. Оручий какой попался! Дайте ему какого-нибудь корма, что ли.

К счастью, в коляске оказался полный набор для умирения младенцев, включая пустышку и погремушку. Лайма накрыла Петю простынкой и дала ему бутылочку. Он впился в нее с такой жадностью, будто голодал много дней подряд.

– Вот тебе корм, – пробормотала она, наслаждаясь благословенной тишиной.

На улице к ней подошел высоченный тип с грубым голосом и выпяченной грудью. Заступил дорогу и сообщил:

– Моя фамилия Пупырников. Я из команды спасателей. Вы тут распорядительница? Давайте решайте, как быть с самоубийцей.

– Извините, – Лайма толкнула коляску вперед. – Мне сейчас немного не до этого. Директор сам во всем разберется.

– Ну-ну, – пробормотал спасатель ей в спину.

Она не обратила на его «ну-ну» никакого внимания. Давно прошли те времена, когда ее можно было смутить или сбить с толку.

Что же делать дальше? Везти ребенка в машине страшно. Вдруг он по дороге скатится под сиденье? Или они попадут в аварию? Да мало ли что. Лайма решила пешком дойти до Сониного дома и там организовать штаб поиска. В крайнем случае, вечером можно будет подключить к розыску Болотова.

Алексей Болотов олицетворял собою то, к чему Лайма стремилась всеми фибрами души, – стабильность. В бурном море нынешней жизни он представлялся ей берегом, к которому можно прибиться. Эдакой тихой гаванью, где она будет защищена от ветров и бурь. Да, конечно, она сильная, но даже самое крепкое дерево может вырвать с корнем налетевший ураган. Труднее ему справиться с двумя деревьями, которые сплелись корнями.

Впрочем, до сих пор Болотов сплетаться корнями не спешил. Они встречались уже два года, но о женитьбе он даже не заикался. И вот неделю назад Лайма не выдержала и сама сделала ему предложение. Дело было вечером, после похода на концерт они собрались распить бутылочку вина. Болотов как раз притащил из кухни бокалы и ставил их на маленький столик, когда она сказала ему в спину:

– Знаешь, нам надо пожениться.

Он разогнулся и медленно повернулся к ней. На лице у него появилось такое изумление, как будто Лайма только что подкралась сзади и стукнула его по голове.

– Зачем? – спросил он и захлопал глазами. – Разве сейчас нам плохо?

– Нам хорошо, но будет еще лучше, – заверила она его.

– Не понимаю, почему. – Болотов пошел пятнами, словно аллергик, понюхавший герань.

Лайма не ожидала, что предложение пожениться его так потрясет. Растерянность ему совсем не шла. Он был высокий, широкоплечий, осанистый. Крупный нос, резко очерченные скулы и бескомпромиссный подбородок дышали силой. Карие глаза лучились теплом. Иными словами, выглядел он героически. Его вполне можно было принять за полярника, альпиниста или капитана дальнего плавания. Казалось, что он мужественен, отважен и великодушен. На самом деле Болотов был деловой, страшно нравственный и даже слегка занудный. Никаких дальних плаваний он не нюхал, в горы не ходил и совсем не любил кататься на лыжах. Должность заведующего отделом продаж его вполне устраивала.

– Видишь ли, мне хочется ребенка, – бесхитростно сообщила Лайма. – Да и тебе нужно обзавестись семьей. Для солидности. Ты же озабочен карьерным ростом, верно? А в такой большой корпорации, как ваша, на это очень даже обращают внимание.

Болотов сел на диван и некоторое время тупо смотрел в пол, пытаясь переварить мысль о женитьбе.

– Брак – это очень большая ответственность, – наконец заявил он.

– Мы оба – весьма ответственные люди. Ты не находишь? Кроме того, другие женятся...

– И разводятся.

– Мы тоже разведемся, если что, – ободрила его Лайма.

– Ну нет, – возразил он уже более твердым голосом. – Жениться, так жениться. У меня это будет на всю жизнь. Женитьба – процесс необратимый. Как в химии.

– Будем жить вместе, пока кто-нибудь из нас не выпадет в осадок, – согласилась Лайма.

Болотов юмора не оценил и воскликнул:

– Боже мой, Лайма! Ты иногда просто поражаешь меня своим легкомыслием!

Лайма хмыкнула. Легкомыслие! Ненавистное слово. Ее мать навсегда отбила у нее желание совершать необдуманные поступки. Мать жила, как бабочка-однодневка, и глупо умерла, вывалившись на крутом повороте из мчащегося автомобиля. Не пристегнулась, не захлопнула дверцу, не подстраховалась... На похоронах женщины шептались: «Она была такая легкомысленная!»

Лайма старалась продумывать все серьезные шаги на несколько ходов вперед. Брак с Болотовым обкатывала в уме много месяцев и решила, что дело того стоит. Конечно, она в него не влюблена сейчас так, как в самом начале знакомства. Но это нормально. Сильные эмоции вредят браку не меньше, чем навязчивая теща и бдительная свекровь. Лучше пусть все будет спокойно и просто. Предсказуемо.

Лайма катила перед собой коляску с задремавшим Петей и внимательно смотрела по сторонам. Чужой ребенок – страшная ответственность! Насколько Лайма помнила, Соня постоянно с ним что-нибудь делала – кормила, переодевала, мыла, укачивала, посыпала детской пудрой, обтирала влажными салфетками... Не-ет, с младенцем ей ни за что не справиться. Что угодно, только не это.

На улице роскошествовало лето. Опьяневшее от вседозволенности солнце норвило заглянуть в каждое встречное окно и, отражаясь от стекол, слепило глаза и плавало мостовую. Старый асфальт казался безжизненным и бесцветным, а свежий, недавно уложенный, сделался каким-то особенно черным и, казалось, собирался потечь густой рекой. Прохожие шли навстречу шаркающими походками, а воробьи валялись на газонах, словно подстреленные.

Пройдя сто метров, Лайма взмокла и уже готова была по-собачьи высунуть язык. К счастью, Сонин дом утопал в зелени, и она с наслаждением нырнула в тень, словно в прохладную воду. На скамейке возле подъезда никого не было, и навстречу никто не попался, так что ей пришлось самой затаскивать коляску в лифт.

В квартире Сони царил сумасшедший беспорядок, Лайма даже оторопела. За те три дня, что нянька оставалась здесь с ребенком одна, она успела насвинячить по полной программе. Лайма не знала, за что хвататься. Водруженный в кроватку, Петя хотел «на ручки» и орал при этом, как маленький ишак. Взгромоздившись «на ручки», он возился, пускал слюни, хватал Лайму за нос, лез ей пальцами в рот и мочил подгузники. Разговаривать по телефону не представлялось возможным.

Она все-таки исхитрилась набрать номер Любы Жуковой и прокричала в трубку:

– Люба, приезжай немедленно к Кисличенко. И привези кого-нибудь, кто сможет до завтра посидеть с ребенком. Или хотя бы до вечера.

– А где Соня? – немедленно спросила та.

– Соня три дня как не ночует дома. Скорее, Люба, я просто в отчаянии.

Она с трудом попала трубкой на рычаг и с Петей на руках принялась бродить по квартире – туда и обратно. Ходить просто так было глупо, да и страшные мысли сами собой лезли в голову. Чтобы не терять времени даром, Лайма решила по мере возможности обследовать помещение. Вдруг найдется какая-то записка или клочок бумаги с криво нацарапанным телефонным номером, или еще что-нибудь полезное? Что-нибудь, что поможет отыскать Соню или хотя бы подскажет, куда она отправилась три дня назад.

Записка нашлась сразу. Она лежала на журнальном столике, придавленная будильником. Впрочем, как выяснилось тут же, ее написала не Соня, а нерадивая нянька. «Софья Аркадьевна ушли в пятницу в восемнадцать часов. Оделись в синюю юбку и такой же жакет. Накрасились и уложили волосы. Сказали, что Петин папаша не знает, что он – папаша. Они решили ему сказать, чтобы он помог растить мальчика». Нянька говорила о Софье во множественном числе, что, вероятно, должно было продемонстрировать степень ее уважения к хозяйке.

Итак, в пятницу, в шесть часов вечера, Соня ушла из дому. А в половине седьмого Лайма засекала ее на троллейбусной остановке возле метро. Неужели она последняя видела ее целой и невредимой? Вернее, они с Болотовым вместе.

В пятницу после работы Алексей заехал в Центр культуры и предложил поужинать в каком-нибудь ресторанчике. Они сели в его машину и тронулись в путь. Движение было жуткое, автомобили еле плелись по шоссе, тычась друг в друга носами, поэтому-то Лайма и сумела разглядеть Соню на тротуаре.

– Ой, Кисличенко! – воскликнула она. – Алексей, давай ее подвезем. Смотри, какая толпа на остановке.

– Если только она не собирается на тот конец света, – проворчал Болотов, сворачивая в сторону и подавая короткий сигнал.

Он не любил попутчиков и никогда никого не подвозил, если не вынуждали обстоятельства. Лайма это отлично знала, но проигнорировать подругу просто не могла. Соня подбежала к машине и наклонилась к окошку.

– Ребята! – воскликнула она. – Привет, привет! Вы куда?

– А ты куда? – задала контрольный вопрос Лайма. Соня выглядела нарядной и даже губы накрашила яркой помадой, чего обычно никогда не делала. И еще надела туфли на высоких каблуках. – Если не очень далеко, мы тебя подбросим.

– Класс, – сказала Соня и забралась на заднее сиденье. – Мне близко. Но только в другую сторону. Ладно, ладно, Леш, не дергайся. Я минутку с вами поболтаю и вылезу.

– Я и не дергаюсь, – пожал тот плечами. – Сонь, как скажешь, так и сделаем.

С подругами Лаймы он был терпелив, как добрый учитель с непонятливыми учениками. Лайме хотелось, чтобы он проникся к ним настоящей симпатией, но Болотов всегда был очень сдержан в проявлении чувств. Даже свою сестру он, казалось, навещает раз в месяц только потому, что так заведено между родственниками.

– Если тебе в другую сторону, чего же ты тогда тут стоишь? – засмеялась Лайма.

– Жду одного человека, – призналась Соня, поправляя прическу двумя руками.

От нее разлило лаком для волос. Вероятно, она во что бы то ни стало решила донести себя до цели красивой.

– О-о! – буркнул Болотов. – Кажется, тут пахнет мужчиной.

– С чего ты взял? – зарделась она. – Ничего подобного.

– Сонь, это не тот стоматолог, который приглашал тебя в театр? Ты с ним встречаешься?

– Ну что ты! Я – натура романтическая, а отношения со стоматологом изначально лишены романтики – никогда не знаешь, о чем он будет думать во время поцелуя.

– Ладно, вы тут поболтайте, а я пока стекла протру, – Болотов стеснялся женских разговоров, как мальчик родительских нежностей. Его героические щеки порозовели, он добыл из-под сиденья тряпку, выбрался наружу и теперь сердито возил ею вокруг «дворников».

– Так кто он? – с улыбкой спросила Лайма. – Я его знаю? Скажи, Соня, я просто умираю от любопытства!

– Да, ерунда на самом деле. – Соня махнула рукой. Ее зеленые глаза затуманились заботой. – Я со своим школьным другом должна пересечься, отдать ему альбом со старыми фотографиями. Ему нужно для автобиографии. А потом поеду к Сережке, про Петю говорить.

– К Возницыну? – ахнула Лайма. – Так ты решилась?!

– Я его тут видела с одной, – зло ответила Соня. – Напомаженной. И подумала: а почему, собственно, я ему вольную подписала?

– Ты для него так надушилась? От тебя пахнет, как от парфюмерной лавки, честное слово.

– А мне нравится! Но с Возницыным у меня все – баста. Ничего личного. Однако я все время думаю о Петьке. Он подрастет и обязательно спросит, кто его папа.

– Я тебе сразу сказала, что за ребенка должны нести ответственность двое, – наставительно заметила Лайма. – А сколько ты упиралась!

– Теперь созрела. – Соня схватила Лайму за руку и сильно сжала: – Никогда, никогда не заводи ребенка одна.

– Я и не собираюсь, – заверила ее Лайма, мельком глянув на Болотова, который фальшиво насвистывал снаружи.

Влажно поцеловав ее в щеку и перепачкав помадой, Соня выбралась из машины и помачала рукой:

– Пока, Леш! Приятного вечера.

Усевшись за руль, Болотов озабоченно уточнил:

– Так ей точно с нами не по дороге?

– Точно. Она едет на randevу с Возницыным.

Лайма торжествующе выпрямилась, рассчитывая на бурю эмоций с его стороны. Она рассказывала Алексею о том, как Соня поссорилась с Возницыным, как скрыла от него рождение сына.

– А-а, – пробормотал Болотов.

Лайма вздохнула. Нормальная мужская реакция: «А-а-а!» Не успели они тронуться с места, как затрещал сотовый телефон. Болотов прижал его к уху и грозно спросил:

– Да? – Некоторое время слушал, потом насупился и направил автомобиль к тротуару. – Я все понял. Еду.

Он повернулся к Лайме:

– Милая, прости меня! Мне нужно обратно в офис. Приехала делегация из Китая. Сегодня их никто не ждал, а они как снег на голову. Генеральный решил с ними встретиться, я должен быть там.

– Хорошо, – тяжело вздохнула Лайма. – Возвращайся. Работа есть работа.

– Я тебя даже до дому не довезу – впереди пробка, а я не могу терять ни минуты.

Лайма решительно прервала извинения, потрепала его по плечу, словно боец верного коня, и вылезла из машины. Вечер был приятным, и она дошла до дому пешком, купив себе по дороге мороженое и обляпав им нарядную блузку. Соню с тех пор она больше не видела.

* * *

Наоравшись всласть, Петя некоторое время громко сопел, потом сморщил крохотный нос и жалобно захныкал. Лайма покормила его пюре из баночки, напоила водой и уложила в кроватку. В дело наконец пошла пустышка, которую ребенок прежде упорно выплевывал.

И тут появилась Люба. Она вошла с солнцепека распаренная, похожая на статную деревенскую бабу, возвратившуюся с поля. На ней был длинный сарафан в цветочек, вокруг полного лица завивались кудряшки. Вид Любы вызывал умиротворение – сладкоголосая, она дви-

глась плавно, разговаривала медленно и смотрела ласково, словно все люди вокруг были ее шаловливыми детьми.

– Ш-ш! – приложила палец к губам Лайма. – Петя заснул.

– Что ты там болтала по телефону? – первым делом спросила Люба. – Будто бы Соня исчезла?

– Она действительно исчезла.

Лайма завела подругу на кухню, усадила за неприбранный стол и рассказала все по порядку. Люба стиснула перед собой руки.

– Ты звонила в милицию?

– Нет, ждала тебя. Впрочем, что туда звонить? Надо идти, писать заявление.

– Наверное. Может, проверить всех мужиков, с которыми Кисличенко водит шуры-муры?

– А ты знаешь их всех? – дернула бровью Лайма. – Нет, единственный, с кем бы я хотела поговорить до милиции, это Возницын. Именно с ним собиралась встретиться Соня в пятницу.

– Так поезжай к нему, – предложила Люба. – А я побуду с ребенком. У меня два дня свободных, возьму его на себя.

– Отлично, – пробормотала Лайма, почувствовав невероятное облегчение. – Если все дети так тиранят мамаш, как этот младенец, то рождаемость в стране будет и дальше стремительно падать.

2

Андрон Игнатьевич Хомяков был личностью сумрачной и носил свою значительную лысую голову на коротенькой шее. Сверху кожа плотно обтягивала череп, а вот на щеках и подбородке обвисала складками и стекала с тугого воротничка рубашки. Андрон Игнатьевич отличался незаурядным умом, что вовсе не отражалось на его сочном розовом лице. Глаза у Хомякова были круглыми, оловянными и никогда не бегали с предмета на предмет. На собеседника он смотрел в упор, да так страшно, будто собирался его расстрелять. В службе государственной безопасности, где Хомяков занимал нештучный пост, у него была кличка не Хомяк, как можно было бы предположить, а Барс. Барса боялись, как настоящего дикого зверя. Если проштрафишься, он подкрадется пружинисто и бесшумно, а потом сиганет прямо на загривок и примется рвать зубами. Послужной список, отличия, незапятнанная репутация – все в кюлье.

Нынче вечером Хомяков отпустил шофера и двинулся в гордом одиночестве в обход торговых точек в центре города. Завтра его жена Ольга праздновала день рождения, а он затынул с подарком. Ни одна душа не знала, что затынул он специально – подгадывал поход по магазинам под определенный день. Покупка подарка – отличное прикрытие, просто замечательное. Он важно прохаживался вдоль прилавков, где под прохладными стеклами равнодушно сверкали драгоценности. Наконец решил, что пора делать покупку. Ожидая, пока продавцы упакуют выбранные серьги, как подобает, барабанил пальцами по столу и искоса поглядывал на часы. Назначенная встреча должна была состояться через двадцать минут.

Помахивая фирменным пакетом, Хомяков вышел из магазина и отправился в маленький ресторанчик за углом. Выбрал столик недалеко от окна, закурил и принялся внимательно оглядывать улицу. В зале почти никого не было, негромко чирикала радио, и Хомяков удовлетворенно откинулся на спинку стула. Подошел официант, он на минуту отвлекся, а когда поднял голову, то увидел, что к нему уже идут.

Двое молодых мужчин в светлых костюмах, оба блондины с одинаково мирными улыбками. Лица у них были гладко выбритыми, ладно слеplенными, и, когда они приблизились, на Хомякова пахнуло летней свежестью, как будто эти двое только что вылезли из стога сена.

– Добрый вечер, Андрон Игнатьевич! – негромко поздоровались они и по очереди протянули нежные, как у девиц, ладони.

Хомяков ответил на рукопожатие, глядя на пришельцев круглыми глазами безо всякого выражения. Это их ни чуточки не смутило. Они по-прежнему улыбались ему – ласково и чуть снисходительно, будто знали про Андрона Игнатьевича что-то стыдное.

– Будете кофе? – спросил тот и, подумав, добавил: – Или чай. На травах.

Один из блондинов щелкнул в воздухе пальцами, и официант подбежал к столику так поспешно, словно на него гаркнули.

– Два чая со льдом, пожалуйста.

Голос блондина шелестел, подобно разматывающимся лентам серпантина. От него веяло покоем. «Хорошо хоть сияния вокруг головы нет», – подумал Хомяков и от нетерпения приотпнул под столом ногой. Его дешевый тупорылый ботинок противно скрипнул.

– Итак, Андрон Игнатьевич, вас устроило наше... хм... вознаграждение?

– Вполне, – быстро ответил Хомяков.

Сумма действительно оказалась внушительной, а ему пообещали, что попросят о пустяке. Просители, или, вернее, покупатели услуг, синхронно навалились грудью на стол, чтобы оказаться поближе к физиономии Хомякова. Он мог бы поклясться, что чувствует их мятное дыхание.

– От вас требуется сущий пустяк, – вкрадчиво сказал тот из блондинов, что сидел слева. – Присмотреть за одним иностранцем, который на днях прибудет в страну.

– На днях? – безразличным тоном переспросил Андрон Игнатьевич.

– В субботу. В Шереметьево. Человек он непростой, но и страна у нас сложная. Не случилось бы чего.

– Его фамилия широко известна?

– Он прилетит под чужой фамилией. – Блондины посмотрели на Хомякова испытующе. Он промолчал. – Это автор священных откровений, его жизнь для множества верующих представляет необыкновенную ценность.

– Мусульманин? – отрывисто спросил Андрон Игнатьевич.

– Буддист. В прошлом. А ныне создатель собственного религиозного учения. Родом из Индии, – ответили блондины одними губами, и он тотчас расслабился.

Индус – что? Индус – это ладно. По нынешним временам индус для русского безвреден, как божья коровка для картофельной ботвы.

– У него что, своей охраны нет? – вслух поинтересовался Хомяков, бесшумно отхлебывая из чашки.

– Охрана осталась в Индии – в целях конспирации.

– Если конспирация соблюдена, что тогда беспокоит... верующих?

– Нас беспокоит, – ответил один из блондинов, причислив себя к вышеназванной категории, – группировка неатеистов, которая активно противится приезду нашего лидера. Есть информация, что на него готовится покушение.

«Зачем же он припрется?» – про себя подумал Хомяков и одним глотком ополовинил чашку.

– Лидер собирается организовать в нашей стране сеть курсов личностного роста, а также открыть отделение нашего международного университета. Но ему нужно воодушевить своих последователей. Они должны увидеть его и услышать.

– Как называется... м-м-м... движение?

Он хотел сказать «секта», но в последнюю секунду перефразировал.

– «Оставшиеся».

– Оставшиеся от чего? – Хомяков решил добраться до самой сути.

– Речь о будущем. Мы – те, кто выживет после ядерной катастрофы.

«Вы, значит, выживете, а мы, значит, сдохнем, – вознегодовал про себя Хомяков. – Свины какие».

– Чего вы хотите от меня? – Хомяков решил расставить точки над «и».

– Проследите за тем, чтобы в Москве с нашим лидером не произошло никаких неприятностей, – ответил блондин, сидевший слева. – Он должен выполнить свою миссию и благополучно возвратиться в Дели.

А тот, что сидел справа, добавил:

– Женщина, которая взяла на себя всю организационную сторону дела здесь, в Москве, несколько дней назад трагически погибла. Ее звали Ольгой Удальцовой. Можно воспользоваться этим обстоятельством, чтобы под видом Ольги приставить к нашему лидеру своего человека.

Они обговорили детали и разошлись, довольные друг другом. «Отлично, – думал Хомяков по дороге домой. – Еще один самозванец, который собирается выколачивать бабки из русского народа. Новый мессия, автор божественных откровений, сеющий разумное, доброе и вечное через идиотские платные курсы и сомнительный – и тоже, естественно, платный! – университет. Впрочем, ему-то что? Если находятся дураки, желающие поклоняться другим дуракам, пусть поклоняются. На этом можно хорошо заработать – вот что главное.

К слову сказать, недавно зародившееся в стране движение неоатеистов беспокоило руководство. Но до сих пор не было никакой информации о том, что его деятели готовы перейти к открытой агрессии. Однако выгода от их активизации была налицо. По крайней мере для Хомякова лично. И он ее не упустит.

* * *

Лайма отлично знала, где живет Сергей Возницын. Некоторое время назад Соня собиралась за него замуж и жила в его квартире. Они с Любой Жуковой не раз ходили к парочке в гости с цветами и тортиками. Но союз двух сердец был недолгим: потенциальный муж страшно разочаровал подругу. По ее словам, он оказался ленивым, грубым и ограниченным типом. Соня выкладывала одну за другой ужасные подробности их совместного существования, и стало непонятно, как она вообще могла увлечься такой скотиной.

Лайма возвратилась к зданию Центра культуры за своей машиной и отправилась к дому бывшей Сониной любви. Не успела она зарулить во двор, как увидела, что Возницын собственной персоной выходит из подъезда и тяжелой поступью конкистадора направляется к своему красному автомобилю. Автомобиль смахивал на загнанного коня – пыльный, с помятым бампером и треснувшей фарой, он понуро дожидался хозяина.

Сам Возницын, в противоположность машине, выглядел чистым и свежим, словно хирург, подготовившийся к операции. Брюки разрубали воздух острыми стрелками, а пуговицы на отглаженной рубашке блестели, точно золотые монеты. Светлая челка, которой Возницын занавешивал левый глаз, имела здоровый блеск и шелковистость – вероятно, он только что вымыл голову.

Лайма подъехала вплотную к нему и, выбравшись из машины, торопливо окликнула:
– Сереж, подожди!

Возницын так резко замер, будто налетел на невидимое препятствие. Потом медленно развернулся и уставился на Лайму безумными глазами. Вытянул вперед руку, словно хотел остановить Лайму, и помотал головой. От удивления она и в самом деле остановилась, тогда он совершил обманный маневр, как лис, драпающий от собак, бросился к своей машине и нырнул за руль.

– Сергей! – завопила во все горло возмущенная Лайма. – Какого черта?!

Взревел мотор, и красный автомобиль, взбрыкнув, задом выпрыгнул со стоянки. Развернулся и, проиготокав, помчался прочь. «Ничего себе, – ахнула Лайма. – Он удирает!» Ей потребовались доли секунды на то, чтобы принять решение. Добежав до своей «девятки», она завела мотор и рванула следом. Чтобы не упустить Возницына, ей пришлось изрядно напрячься и пару раз нарушить правила, чего при других обстоятельствах она бы себе ни за что не позволила.

Закусив губу и стиснув руки на руле, Лайма мчалась по городу вслед за безумным красным автомобилем, который показывал на дороге настоящие чудеса. Вот уже они выехали за Кольцевую и понеслись в сторону Клина. В какой-то момент Лайме удалось нагнать беглеца, она посигналила, но тот раздраженно рявкнул и принялся вилять то вправо, то влево и едва не столкнул Лайму с дороги. Она почувствовала такую ярость, что, позабыв обо всем на свете, наподдала ему в зад своим бампером. Потом добавила еще раз, посильнее, и ей это так понравилось, что она даже расхохоталась вслух.

В ту же минуту рядом с ее машиной нарисовался автомобиль с синими номерами и проблесковым маячком и, гуднув, приказал ей прижаться к обочине. Когда милиционер с выкаченными от гнева глазами возник возле опущенного окна, Лайма все еще хохотала.

– Вы тут что?! – заорал милиционер. – В Техасе, блин? Устроили боевик, блин! Права!

Лайма все никак не могла справиться со смехом, но хохотать при милиционере было стыдно, и в попытке сдержаться она несколько раз громко булькнула. С таким точно звуком

из пустой бутылки под водой выходит воздух. Потом подхватила с соседнего сиденья сумочку, но вместо прав достала оттуда пудреницу и несколько раз обмахнула пуховкой лицо.

– Лейтенант! – наконец сказала она почти нормальным голосом, положив подбородок на тыльную сторону ладони так томно, точно они сидели в беседке, увитой плющом, на берегу синего озера, а вокруг благоухали розы, и проклятые соловьи надрывались так, будто их обещали оципать на рассвете. – Не знаю, что вы подумали, но я всего лишь пыталась выяснить отношения со своим мужем.

Когда надо, Лайма умела пускать в ход женские уловки, которыми никогда не пользовалась для обольщения или «подогрева» верного Болотова.

– Так это ваш му-у-уж! – разочарованно протянул лейтенант и присвистнул: – Здорово же он вам насолил, как я погляжу.

– Он просто негодяй.

– Что, зарплату не принес? – Страж порядка неожиданно пришел в хорошее расположение духа.

– Блудил, – коротко ответила Лайма. – И должен понести за это наказание. Можно, я поеду? А то он ускользнет.

– Вы бы лучше дома с ним разобрались, – посоветовал лейтенант и махнул рукой: – Так и быть, поезжайте.

Лайма вздохнула и отвалилась от обочины. Пожалуй, Возницына ей теперь уже не догнать. Однако сдаваться не хотелось. Первая же развилка поставила ее перед нелегким выбором – направо или налево? Пришлось целиком положиться на интуицию. Разумнее, конечно, было бросить преследование, но азарт гнал Лайму вперед. С чего бы Возницыну убежать от нее? Почему он испугался? Он что-то знает о Соне? Вдруг он ее убил? Она рассказала ему о ребенке и потребовала помощи, а новоявленный папаша взбеленился и принялся буйствовать? Что, если он бросил в Соню графин или разбил о ее голову тяжеленное хрустальное блюдо, стоявшее на его журнальном столике в гостиной, такое огромное, что килограмм апельсинов выглядел в нем, как горстка леденцов.

Через пару километров Лайма увидела знакомый красный автомобиль. Он стоял на обочине перед въездом на мост, под которым крутилась темно-коричневая вода с островками грязной пены. Лайма не поняла – река это или запруда, однако мост был высоким, с металлическими ограждениями по обеим сторонам. Машины дружно бежали мимо, подпрыгивая на стыках, и сигналили Лайме, которая сбросила скорость и еле-еле ползла, затрудняя движение.

Возницына за рулем не оказалось. Впрочем, долго искать его не пришлось – он стоял на середине моста, на самом его краю и держался руками за перекладины. Роскошную челку мутузил ветер, и она перелетала с левого глаза на правый, а то и вовсе поднималась вверх, как хохол на голове какаду. Вся поза Возницына выражала глубокое отчаяние, его корпус устремился вперед, и Лайма ни на секунду не усомнилась, что Сергей вознамерился броситься в воду вниз головой.

Она остановилась поодаль, торопливо выбралась из машины и, встав от напряжения на цыпочки, двинулась к предполагаемому самоубийце. Когда она была уже совсем рядом, тот неожиданно оглянулся и, увидев свою преследовательницу, пронзительно закричал:

– Стой! Не подходи ко мне!

– Ты сошел с ума? – воскликнула Лайма, перекрикивая рев грузовика, протацившего мимо. – Ты что это задумал?

– Отстань от меня! – голос Возницына сделался тонким-тонким, как у впавшего в истерику ребенка. – Уезжай отсюда. Дай мне умереть!

– Ну, здравствуйте. – Лайме показалось, что по ее спине вместо пота побежал сироп – так было горячо и липко. Легкие туфли стали весить пуд, и ноги немедленно вросли в асфальт. – Рано тебе умирать, парень!

– В самый раз, – выкрикнул Возницын, развернувшись к ней всем корпусом.

Она увидела, что в руке он держит желтую сетку с большим булыжником, просвечивающим сквозь ячейки. Ручки сетки были связаны веревкой. На конце веревка закручивалась в петлю. Вероятно, Возницын собирался надеть петлю на шею, чтобы сподручнее было идти ко дну.

– Прощай, Лайма, не поминай лихом!

Он поставил ногу на парапет и рывком поднял тело вверх. В одну секунду перед мысленным взором Лаймы пронеслось все, что должно последовать за его поступком. Спасатели, выловленный труп, допрос в милиции... И оставшаяся невыясненной правда о судьбе подруги.

– Что ты сделал с Соней? – крикнула Лайма и наставила на Возницына указательный палец. – Говори сейчас же!

– Какая Соня? – тусклым голосом просипел тот и подтянул поджарый зад повыше. – О чем ты вообще?

– Нет, голубчик, ты не прыгнешь! – прошипела Лайма и мощным прыжком добермана преодолела разделявшее их расстояние.

Возницын рванулся вперед, но она не дала ему ни одного шанса. Подскочила высоко вверх и схватила его одной рукой за воротник рубашки, а второй обняла за живот и дернула на себя. Он потерял равновесие, завалился назад и едва не грохнулся на землю вместе со своей авоськой. Однако не сдался и, как только обрел равновесие, попытался вырваться.

– Ах, так! – заревела Лайма, которую его громадный булыжник здорово стукнул по локтю. – Ты все равно останешься тут и поговоришь со мной!

Она отвела назад руку, сжала пальцы в жесткий кулачок, а потом резко распрямила локоть. Кулачок полетел Возницыну прямо в глаз. Возницын ухнул и откинулся назад, замахав руками. Авоська выпала из его руки и загрохотала по асфальту.

В этот момент возле них остановился заезженный вдрызг милицейский «газик», и из него полезли милиционеры.

– Все в порядке, лейтенант! – крикнула Лайма себе за спину, не удосужившись даже посмотреть, есть ли среди стражей порядка хоть один в указанном звании. – Это мой муж, мы с ним, видите ли, немного повздорили.

– Тьфу, – с чувством сказал у нее за спиной нагруженный голос. – Поехали, ребята. Семейная ссора. – И немного громче: – Надеюсь, вы обойдетесь без кровопролития.

Милиционеры исчезли в «газике», который сначала угрожающе рывкнул, потом простоженно чихнул и покотил восвояси.

– Ничего себе! – возмутился Возницын, всплеснув руками. – Это что же получается? Жена с мужем делай все, что пожелаешь?!

– Да, – подтвердила Лайма, которая и сама поразилась легкости, с которой удалось избежать второго подряд разбирательства. – Никто тебя не защитит, Возницын. Так что даже не пытайся скрыться от меня в реке. Ты не умрешь, пока не скажешь, где Соня.

– Откуда я могу знать, где твоя Соня? – обозлился Возницын, пытаясь подобрать сетку с камнем.

Лайма наступила ногой на веревку и прикрикнула:

– А зачем ты пошел топиться, если не из-за Сони?

– Я не собираюсь перед тобой исповедоваться! – фыркнул он, и его мясистый беспородный нос задрожал от избытка чувств. – Мои глубоко личные неприятности тебя совершенно не касаются! Ты мне никто, ясно?

– Я подруга твоей гражданской супруги, – немедленно возразила Лайма.

– Ха-ха-ха! – раздельно и с изрядной долей горечи прокричал Возницын. – Никому не нужен такой муж, как я. Я инвалид, Лайма. Настоящий инвалид!

– А выглядишь чудовищно резвым, – возразила та.

Вокруг них тем временем стали собираться люди. Откуда-то из соседнего перелеска вышли парень и девушка, супружеская пара выбралась из остановившегося автомобиля, да какой-то усатый дядька, кативший на велосипеде, прибил к бортику и теперь, громко сопя, слушал завязавшуюся перебранку. Как выяснилось через несколько минут, именно он вызвал по сотовому телефону спасателей, которые приехали в самый ответственный момент.

Возницын удрал-таки от Лаймы и, словно возбужденная обезьяна, взобрался на ограждение в обнимку со своей авоськой. Лайма пыталась схватить его за ботинок, но он ляглся и громко выл. Спасатели, именно в эту минуту прибывшие на место происшествия, на секунду замерли, чтобы оценить обстановку.

– Сергей, прекрати паясничать! – дрожащим голосом уговаривала Лайма. – У тебя нет ни одного серьезного повода, чтобы кончать с собой.

– Откуда тебе знать? – провыл Возницын. – Я попал в аварию! Я больше не мужчина, у-у-у!

– Ты преувеличиваешь, – горячо возразила Лайма и уцепилась пальцами за резинку его носка.

Возницын художественно дрыгнул ногой:

– Я все равно, что кочан без кочерыжки! У меня никогда не будет детей, Лайма. Жизнь кончилась, у-у-у!

– О, господи! – подскочила та. – Ты беспокоишься о детях?! Возницын, слезай сейчас же! Будет тебе ребенок, обещаю! Уж с чем, с чем, а с ребенком я могу тебе помочь!

Тут к ним подошли спасатели, и один из них положил большую мозолистую руку Лайме на плечо.

– Спасибо, девушка, – проникновенно сказал он, – но не думаю, что сейчас подходящее время делать детей. Займетесь этим потом, когда он успокоится.

– Вы ничего не понимаете! – воскликнула Лайма и тут же ойкнула, потому что узнала этого типа.

– Вы?! – воскликнул спасатель, который тоже ее узнал.

Это был тот самый мощный детина по фамилии Пупырников, с которым они не далее, как сегодня утром, столкнулись в Центре культуры, когда упертый Яков Семенович вознамерился совершить полет с крыши.

– Я, – подтвердила Лайма. – А что?

– Как что? – возмутился тот. – Это, выходит, вы во всем виноваты. Вы их провоцируете, да? Они теряют из-за вас голову, да? То-то вы так взволнованы. Наверное, приятно, когда из-за вас кончают с собой?

– Мне никогда не хотелось, чтобы из-за меня кто-нибудь утопился. Чем говорить глупости, – потребовала она, – лучше сделайте что-нибудь.

Но никто ничего сделать не успел, потому что Возницын неожиданно издал короткий гортанный крик, оттолкнулся от опоры и, трепыхаясь в воздухе, словно жаба, схваченная за лапу, полетел вниз. Авоську с камнем он крепко сжимал в руке. Лайма тихонько взвизгнула и бросилась к парапету, чтобы увидеть своими глазами, как произойдет приводнение. В этот момент она так рассердилась на Возницына, что погрозила ему вслед кулаком и крикнула:

– Вот попробуй только утонуть! Утонешь, я тебя просто удушю!

Впрочем, если Возницын и в самом деле потерял мужскую силу, то неудивительно, что он решил утопиться. Дело в том, что его мать, которую Лайма видела всего один раз в жизни, гордилась своими корнями, переписывалась с архивами на всей территории бывшего Советского Союза в поисках ближних и дальних родственников и была форменным образом помешана на продолжении рода. Возницын волею судьбы оказался ее единственным ребенком, и она ждала от него наследников с таким нетерпением, точно ему выпала честь править каким-

нибудь королевством. Вероятно, Возницын решил, что проще утопиться, чем пережить крушение мамашиних надежд. Так и так она сживет его со свету.

– Этому парню повезет, если там глубоко, – донесся до нее чей-то голос. – А если мелко, то все – размажет о дно.

Лайма охнула и крепко зажмурилась, чтобы не видеть самого страшного. В этот миг внизу раздался громкий «плюх», и спасатели забежали по мосту, словно муравьи, узревшие тлю. Оказывается, кто-то из них заранее спустился к воде и теперь плыл, мощно выбрасывая над водой крепкие, словно весла, руки.

Через четверть часа жалкий, облепленный сырой одеждой Возницын был извлечен из реки и препровожден к машине. Его шикарные волосы прилипли к щекам и лезли в нос, мешая дышать. Он шел, волоча за собой пустую авоську, и был удивительно похож на мокрую собаку.

– Возницын! – сказала Лайма, подобравшись к нему поближе. – Насколько я понимаю, ты не виделся с Соней в пятницу.

– Я не виделся с ней уже год, – плаксивым голосом ответил тот и хлюпнул носом. – Зачем я Соне теперь? У-у-у!

Спасатели громко переговаривались, сматывали какие-то веревки и крюки, которых Лайма раньше просто не замечала, и пытались оттереть ее от пострадавшего. Однако сделать это было не так-то просто: она продолжала трусить рядом и вытягивать шею, чтобы лучше видеть его.

– Я знаю, что сейчас не время говорить о важном, – крикнула она, когда на Возницына накинули сухое покрывало. – Но ты должен кое-что знать. Это кое-что я расскажу тебе в ближайшее время. Давай встретимся где-нибудь за чашечкой кофе.

– Ну, девушка, вы даете! – возмутился Пупырников, который, помогая Возницыну влезть в автомобиль, взял его за шкирку. – Нашли момент, чтобы назначить свидание. Человек, можно сказать, с того света вернулся, а вы тут со своими шурами-мурами!

– Вам не понять. – Лайма воинственно выпрямилась. – Вы даже не представляете, как важно мне остаться с этим человеком наедине.

– Во какая страсть, – пробормотал тот. – Даже завидно.

Лайма забралась в свою «девятку» и сердито хлопнула дверцей. Да уж, Возницына ей сегодня не достать. Спасатели зачем-то забрали его с собой, хотя купание, кажется, особо ему не повредило. Кроме того, жара на улице стояла неистовая, и ангина этому типу не грозила. Возможно, команде спасателей нужно выполнить некие формальности? Или со всеми несостоявшимися самоубийцами проводят беседу многомудрые психологи?

Красный автомобиль так и остался стоять на обочине. Издали его кривой бампер был похож на сардоническую усмешку. Возницын сказал, что не виделся с Соней год. Если это правда, то она так и не встретилась с ним в пятницу. Почему? Да, скорее всего, не встретилась. Ведь Сергей собирался топиться из-за того, что потерял мужскую силу и не сможет занять собственного ребенка. Значит, про Петьку он ничего не знает.

Перед тем, как ехать к Возницыну, Соня планировала увидеться с приятелем, чтобы передать ему фотоальбом. Да не просто с приятелем – со школьным другом. Это тоже зацепка! Пожалуй, стоит возвратиться в Сонину квартиру и вместе с Любой обыскать ее снизу доверху. Ненайденная нянькой записная книжка должна же где-нибудь лежать! Вдруг случится чудо, и Соня обнаружится у какого-нибудь воздыхателя? Может быть, она влюбилась и потеряла голову? Тогда почему сказала, что едет к Возницыну? Возможно, по дороге она встретила кого-то, кто изменил ее планы? Если это и есть тот самый одноклассник, его обязательно нужно найти. И как можно скорее.

* * *

Подполковник Дубняк смотрел на Андрона Игнатьевича глазами приговоренного к повешению. До сих пор он никогда не общался с ним лично – слишком разные у них были «весовые категории». И никаких точек соприкосновения. И вдруг Барс захотел с ним поговорить. О неоатеистах. Хуже темы для Дубняка не было. Дело в том, что один из его покровителей, Миловидов, принадлежавший к высшим политическим кругам, финансировал это новое и весьма перспективное движение. Не далее, как вчера, Дубняк встречался с его доверенным лицом. Миловидов с помощью неоатеистов был намерен ослабить или вовсе уничтожить уже существующие на территории страны секты, а также не допустить внедрения новых.

До него дошли сведения о том, что на днях в Москву под вымышленным именем прилетает Нанак Бондопаддхай – духовный лидер «Оставшихся». Эти «Оставшиеся» уже капитально окопались в Канаде, Южной Америке и в некоторых странах Европы. По оценкам экспертов, их доходы достигли астрономических сумм. Одни только курсы личного роста множились, словно лабораторные мыши, и приносили колоссальные деньги. Неоатеисты готовы были приложить все силы, чтобы не допустить сектантов на территорию страны. Надо поспешить, пока кто-нибудь из отечественных охотников за легкой наживой не обеспечил «Оставшимся» серьезную крышу.

Дубняк должен был выяснить, когда и каким образом Бондопаддхай пересечет границу, или дать иную наводку, которая позволит людям Миловидова с ним расправиться. В России Бондопаддхай еще не успел развернуться и как раз ехал завоевывать сердца верующих. Хотя группа сторонников была уже сформирована и ждала его с распростертыми объятиями.

И вот теперь Дубняк получает личное указание от Барса держать Бондопаддхая под прищелком. Опека его. Проследить, чтобы этот тип живым и невредимым уехал из страны. Как он может это сделать, не предав интересы Миловидова?! Миловидов просит – помоги уничтожить, а Барс приказывает – проследи, чтобы ничего не случилось!

– Это ведь вы комплектовали спецгруппу, которая предотвратила покушение на лауреата Нобелевской премии? – уточнил Хомяков, и его непроницаемые глаза на секунду хищно сверкнули.

– Я, – обреченно согласился Дубняк, не зная, куда деть руки. Если бы не выучка, его пальцы бегали бы по коленям, словно пауки, выпущенные из банки.

– Вы отлично справились. И запомните: это спецоперация. Секретный счет, особые полномочия. Указания будете получать лично от меня. Докладывать тоже лично мне. Сразу же сообщите о людях, которых подберете. И приступайте к делу немедленно. Связываться со мной будете вот по этому номеру.

Он показал Дубняку бумажку, подержал ее несколько секунд в воздухе, потом спрятал в карман.

– Никаких личных контактов. Надеюсь, два раза вам повторять не надо? Операция строго засекречена. – Дубняк позволил себе едва заметно двинуть бровью. – Есть сведения, что «Оставшиеся» связаны с ЦРУ. Нам не нужны неприятности. Мы не станем разбираться с Бондопаддхаем на нашей территории, и нео-атеистам не позволим. Вам все ясно?

Дубняку было ясно, что он попал в переplet. С одной стороны, он должен сделать все, чтобы покушение на Бондопаддхая удалось и Миловидов остался им доволен. С другой – своими руками сформировать спецгруппу, которая защитит Бондопаддхая от смерти. Так приказал Барс, а с ним не шутят. Пропавшие все пропадом! Допоздна просидел он в своем кабинете, размышляя: стоит ли сообщать покровителю о возникших затруднениях или нет. И решил, что не стоит. Барс гораздо страшнее Миловидова.

По дороге домой, трясясь в старенькой «Волге» с широким сплюснутым носом, похожим на теннисный стол, он неожиданно родил потрясающую идею. А что, если создать плохую спецгруппу? Никуда не годную? Он ас в деле подбора кадров и уж как-нибудь сообразит, как соединить в одно целое людей, которые никогда не сработаются друг с другом. Нужно сколотить такую команду, которую с самого начала начнут распирать противоречия. Он назовет ее «Группа „У“». Якобы – ударная группа. Или убойная. А на самом деле – убогая. Группа, которая провалит задание.

Дубняк воспрянул духом. Боже мой, да он гений! Осталось решить, как уйти от ответственности после того, как произойдет трагедия. Начнется «разбор полетов», и его запросто могут припереть к стене. Впрочем, если в ходе спецоперации главные действующие лица погибнут, все обойдется. Когда неоатеисты расправятся с Бондопаддхаем, а заодно и с группой «У», он, Дубняк, окажется в стороне. О его хитром маневре никогда не узнают.

«Итак, группа „У“». Пожалуй, в деле должны участвовать три человека, – азартно размышлял он. – Два – слишком мало, Барс останется недоволен. А четыре – слишком много, это определенный риск. Четыре болвана в состоянии наломать дров. Значит, собираем тройку. Одним из трех человек станет женщина. Она заменит Ольгу Удальцову».

Назавтра с раннего утра Дубняк занялся делом, велел помощникам прогнать через внутренние поисковые системы заданные параметры. И ему повезло. Среди прочих личных дел, которые в результате оказались у него, затесалось такое, о котором Дубняк мог только мечтать. Женщина не являлась сотрудницей спецслужб, но однажды участвовала в спецакции. В спецакции, а не в спецоперации! Тогда им потребовался человек, говоривший на одном из диалектов языка хинди – аваджи. Дама, к которой они обратились, преподавала в задрипанном коммерческом институте английский язык. И вдобавок свободно говорила на аваджи. Сотрудники спецслужб связались с деканом, тот попросил преподавательшу прокатиться с ним в машине, куда подсадили индуса. Преподавательша только и сделала, что перевела несколько фраз.

И вот теперь ее досье попало на стол к Дубняку. Если что, он все свалит на помощников. Девица – дилетантка. Конечно, она станет отказываться от предложенной работы. Нужно прошерстить как следует личное дело, чтобы понять, чем можно ее зацепить. В этом деле Дубняку не было равных.

Он открыл компьютерный файл и уставился на фотографию. С экрана на него серьезно смотрела блондинка с забранными вверх волосами. Крутые скулы, маленький твердый подбородок и сдвинутые брови делали лицо по-мужски упрямым, а крупные, ярко-серые глаза и пухлые губы – обольстительным. Сочетание получалось взрывоопасным: от нее трудно было отвести взгляд.

– О-ля-ля! – пробормотал Дубняк себе под нос. – Девка из умненьких, с характером, с ней еще придется пободаться.

Он усмехнулся, представив себе, как она примется командовать мужчинами, которые окажутся у нее в подчинении. Как начнет разрабатывать стратегию своими заскоружлыми преподавательскими мозгами. И отдавать приказания, разрубая воздух белой ручкой с перламутровыми коготками на пальцах. Размышляя таким образом, Дубняк представлял свою жену, которая каждый вечер кричала из спальни: «Борик, дружок, принеси-ка мне чаю! И быстренько, быстренько!» В такие моменты он страстно ненавидел ее и даже пару раз представлял, как задушит завязками от пеньюара.

Вторым членом команды «У» должен стать увалень с завитушкой вместо мозгов. Кто-нибудь исполнительный и безынициативный. Но очень сильный. Эдакий танк, которым девица начнет управлять по своему разумению.

А вот третий... Третий, напротив, будет парнем непростым. И обязательно экспрессивным. Таким, который в любой момент может выйти из-под контроля. Который способен прини-

мать нестандартные решения и идти наперекор указаниям руководства. Тут надо хорошенько подумать...

Дубняк с головой погрузился в личные дела и так увлекся, что даже забыл пообедать. Только когда голод закорябался в желудке, словно еж в коробке, он всполохнулся и, вытянув короткие ручки над головой, хрустнул суставами. Голосисто зевнул, промокнул мутные слезинки, выступившие в уголках глаз, и улыбнулся мухе, которая весело разгуливала по секретным бумагам. Кажется, он нашел тех, кого надо. Вот они у него все тут, голубчики!

Гипотетически группа сформирована. Остался сущий пустяк: воплотить замысел в реальность. А потом выдернуть чеку и отшвырнуть эту «гранату» как можно дальше от себя.

3

Лайма Скалбе начала осознавать себя как личность именно в тот момент, когда развелись ее родители. Это событие стало для нее серьезным жизненным испытанием. В школе ее прозвали хохотушкой. Она росла подвижной, жизнерадостной и любила от души посмеяться с подружками. Буквально все ей было в радость – и учеба, и шефство над первоклашками, и помощь матери по хозяйству. И вдруг ее мир рухнул, сложившись, как карточный домик. Отец с матерью не ссорились, не выясняли отношений, но в один прекрасный момент посадили дочь напротив и объяснили, что больше не любят друг друга и жить будут отдельно.

Ее мама решила вернуться в Москву, к родственникам, которых у нее было видимо-невидимо. Однако никого из них Лайма не знала – ее отец не любил, когда к ним приезжали русскоговорящие гости. И вот они обрушились на нее все сразу – бабушка Роза, тетя Люда, дед Василий, двоюродные тетки, дядьки и племянники...

Испуганной, замкнувшейся в себе девочке бабушка Роза постоянно повторяла:

– В жизни всегда так: сначала посмеешься, потом поплачешь.

У бабушки была масса поговорок и умозаключений на этот счет. Если навалилось много хорошего, потом жди плохого. Смех до добра не доводит! Буйное веселье – к буйным слезам. За радостями обязательно следуют неприятности. Пожила сладенько – поживи гаденько.

Лайма усвоила урок очень хорошо. Много смеяться – много плакать. А вот если контролировать себя и ничему сильно не радоваться, потом не придется и раскаиваться. Люди должны быть сдержанными и респектабельными... Как ее отец. Ведь у него все хорошо. Когда мама и Лайма ему надоели, он просто отправил их прочь, а сам продолжает жить так, как раньше.

Мама тоже должна была понять это. Однако она не желала меняться – как была веселой и взбалмошной, так и осталась. И если раньше отец как-то сдерживал ее порывы, то теперь без всякого контроля с его стороны она стала вести жизнь, по мнению Лаймы, возмутительную. Работала за крохотную зарплату учителем рисования, а в свободное время писала картины. Друзья-художники, друзья друзей-художников и их друзья протоптали дорожку в их дом. Лайма частенько чувствовала себя лишней в собственной квартире. Дед иногда забирал внучку к себе, когда бывал в Москве, но это случалось нечасто. Большую часть года он ездил по отдаленным странам, вставшим на социалистический путь развития, и лечил людей.

Девочка замкнулась в себе и отдавала все силы учебе и самосовершенствованию. Она была лучшей в школе – не только по обязательным дисциплинам. На факультативе, в кружке художественной самодеятельности, в музыкальной школе, в секции фигурного катания – везде. Ей удавалось все, за что бы она ни бралась. И уж теперь-то никому бы и в голову не пришло назвать ее хохотушкой. Большую часть времени ее губы были плотно сжаты, а подбородок упрямо вздернут.

С каждым годом росло раздражение на мать, которая должна была измениться после развода с отцом. А она!.. В старших классах Лайма превратилась в настоящую красавицу. Мальчики, влюблявшиеся в нее пачками, скрежетали зубами. Потому что красавица никому не отдавала предпочтения. В тот год, когда Лайма поступила в институт, мать трагически погибла. И вслед за ней умер дед Василий. Из пучины отчаяния Лайме помогла выбраться первая большая любовь. Она подарила свое сердце самому красивому юноше на факультете – Николаю Сметанину, или, как его называли девицы, Николаю.

Николя неплохо учился и был старостой курса. Он играл на гитаре, замечательно пел и собирался покорить мир немедленно по получении диплома переводчика. Рядом с ним Лайма снова научилась смеяться от души. Ей казалось, что мир расцветает новыми красками, едва возле нее появляется Николая. Лайме потребовалось три года на то, чтобы завоевать его любовь. Когда наконец это случилось, папа, занимавший высокий пост в Министерстве иностранных

дел, отправил сына в Англию по программе студенческого обмена. Николая помахал Лайме ручкой и сказал: «Ты же понимаешь, душа моя, что ради всяких глупостей я не могу рисковать своей будущей карьерой».

– Слишком он был веселый. Легкомысленный, – сделала заключение бабушка Роза, когда узнала о случившемся.

В тот же год тетя Люда потеряла работу и решила заняться реставрацией и росписью старой мебели. Мастерскую устроила дома, а бабушку Розу взяла в подмастерья. Квартира стремительно превращалась в подобие их с матерью жилища, и Лайма стала бывать там все реже и реже. К тому времени ее мировоззрение сформировалось окончательно. Никакая привязанность не должна превышать допустимых пределов. Иначе, когда тебя бросят, будет слишком больно. Влюбляться следует в человека предсказуемого – только с таким можно построить благополучную семью. Женщина должна быть независимой и твердо стоять на ногах. Чтобы никакие бури в личной жизни не могли сбить ее с ног.

Трудоустроиться с дипломом переводчика, не имея связей, оказалось непросто. Лайма работала там и сям – недолго и неплодотворно. Потом начала преподавать в вузе, но через некоторое время поняла, что не обладает педагогическим талантом. Зато организаторский талант у нее, несомненно, был. И еще – сильный характер. Это помогло ей занять место распорядителя в Центре культуры. Иными словами – заместителя директора. Зарплата была удовлетворительной, однако Лайма жаждала сделать карьеру и вынашивала честолюбивые планы. Но потом в ее жизни появился Болотов, и планы пришлось немного скорректировать.

Она, черт побери, решила стать замужней дамой и недавно сама сделала Алексею предложение. Он согласился. Лайма была уверена, что впереди у них – светлое будущее, дети и спокойная старость.

* * *

– Кисличенко тебе соврала, – говорила Люба Жукова с той веселой уверенностью, которая отличает взвинченных людей. В первую очередь им хочется утешить самих себя, поэтому они особенно убедительны. – Ни с каким одноклассником она на остановке не встречалась. Ты забыла, душа моя, что она не москвичка? Школа ее осталась в далеком сибирском городке. Откуда бы тут взяться ее однокласснику, а?

Они с Лаймой сидели на Сонином диване и глотали дорогуций зеленый чай, не ощущая его вкуса. Утомленный Петя, разметавшись, спал в кровати. Пустышка время от времени подозрительно шевелилась у него во рту. В такие моменты подруги замирали и смотрели в его сторону круглыми глазами.

– Но зачем она мне соврала? – недоумевала Лайма громким шепотом. – Могла бы вообще ничего не говорить, я же не допытывалась.

– Просто сказала первое, что пришло ей в голову.

– Не думаю. Тебе бы пришло в голову, что на остановке нужно передать школьному другу альбом со старыми фотографиями?

– Да уж, это очень странно, – покачала головой Люба. – Ее одноклассник специально приехал за альбомом из Сибири?

– Мало ли... – протянула Лайма. – Может, у них намечается вечер выпускников и его командировали в Москву. Или он был тут проездом и заодно решил разжиться фотоальбомом.

– Ты сама в это веришь? – мрачно спросила Люба.

– Нет, – честно призналась та.

Лайма не знала, чему верить. Просто чувствовала, что Соня попала в беду. На душе было беспокойно и противно, точно Лайма совершила нехороший поступок, о котором узнали все друзья и знакомые.

Люба Жукова была единственной девочкой, с которой Лайма по-настоящему подружилась после переезда в Москву. А вот с Соней Кисличенко подружки познакомились шесть лет назад, когда вместе ездили отдыхать в Крым. Соня оказалась веселой, легкой на подъем и отзывчивой. После возвращения из отпуска они начали встречаться по выходным и в конце концов приняли ее в свою команду.

– Пока Петя спит, я схожу в милицию, – решила Люба. – Отделение поблизости.

– А может, я схожу? – с надеждой спросила Лайма, покосившись на кроватку. Отсюда была видна только просунутая сквозь прутья розовая нога с крохотными пальцами.

– Нет уж, лучше я. У меня преимущества. Не забудь, что я останусь с ним на ночь.

Люба допила чай, поправила волосы и вышла в коридор. Как только щелкнул замок, Лайма отправилась в спальню и принялась искать Сонину записную книжку. Книжка очень пригодится милиционерам. Без нее они вообще ничего не смогут сделать! Возможно, чтобы найти книжку, им придется обыскать дом. Соне это было бы неприятно.

Книжка завалилась за тахту и уже успела обрасти бархатной пылью. Вероятно, Кисличенко, по обыкновению, трепалась по телефону, лежа на животе и болтая в воздухе ногами. А потом просто спихнула ее на пол и не заметила. Нянька, ясное дело, не протирала пол, а если и протирала, то только на видном месте. Уж конечно, она не лазила за тахту. Тем более что поддержание чистоты не входило в ее прямые обязанности. Соня лишь иногда приплачивала ей за уборку.

К изумлению Лаймы, в книжке содержалось очень мало записей. Ей-то казалось, что Соня то и дело знакомится с мужчинами и ходит на свидания. Она была симпатичной, контактной и могла обаять даже ярого женоненавистника, который улыбался дамам только тогда, когда они уходили.

Вернулась Люба, и они вдвоем выписали все телефонные номера на бумажку, а книжку решили поскорее отнести милиционерам.

– Станем звонить всем абонентам подряд? – спросила Люба. – Сонька нам даст потом на орехи!

– Пусть поскорее наступит это «потом», – пробормотала Лайма, и тут зазвонил ее мобильный телефон.

Она шикнула на него, словно на брехливую собачку, и поспешила поднести трубку к уху.

– Лайма! – В телефоне возник обеспокоенный голос Болотова. – Я заехал в центр, а тебя нет. Мне сказали, что ты сегодня участвовала в спасении самоубийцы.

– Ну да, – неохотно согласилась Лайма, немедленно вспомнив, как она гналась за Возницыным. – Но все окончилось благополучно, его вытащили на сушу. Он был весь мокрый, но живой.

– Откуда его вытащили? – озадачился Болотов.

– Откуда, откуда? Из реки. – Лайма с напряженным вниманием наблюдала за младенческой ногой, которая согнулась в коленке и активно пошевелила большим пальцем.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– А что?

– Возле вашего центра нет реки.

– А-а-а! Ты имеешь в виду того, первого самоубийцу! С ним тоже все хорошо.

– Лайма, а у тебя – все хорошо?

– Чего у меня может быть хорошего? Ой, ты же еще не знаешь, что Соня Кисличенко пропала!

– Пропала? – переспросил Болотов озадаченно. – Кто тебе сказал? Ты уверена?

Лайма подумала, что сейчас он наверняка нахмурился. Он всегда хмурился, когда напряженно размышлял. Из-за этого казалось, что любая возникшая проблема радикально портит ему настроение.

– Я абсолютно уверена. Ее нянька, вся в слезах, притащила ко мне на работу ребенка, и теперь мы с Любой Жуковой его нянчим. И не знаем, что делать дальше. Вообще-то мы заявили в милицию, но все равно... У нас есть Сонина телефонная книжка...

– Я выезжаю, – коротко сказал Болотов.

– Вот за это я его очень уважаю, – пробормотала Лайма и пояснила для Любы: – Ни одного лишнего вопроса. Просто: «Выезжаю!» – и все.

Конечно, он не догадался, что лучше постучать, и принялся жать на кнопку звонка. Петя немедленно проснулся и заревел.

– Чего это он так орет? – удивился Болотов, зарулив в комнату.

– Хочет к маме, – вздохнула Люба и, задрожав нижней губой, жалобно добавила: – А мамы нету.

– Куда же она подевалась? Может, под машину попала? Вы обзванивали больницы? В Бюро несчастных случаев наводили справки? – Лайма с Любой виновато переглянулись. – Ясно, не обзванивали и справок не наводили. Сидели и кусали локти. Ладно, это я возьму на себя. А можно сделать так, чтобы он замолчал?

Болотов пальцем указал на младенца, и тот, на секунду перестав рыдать, уставился на него любопытными влажными глазами.

– Вот. Так гораздо лучше, – похвалил тот. – Гораздо.

В ответ Петя сделал столь глубокий вдох, что его маленькая грудь раздулась, как капюшон кобры. Потом натужился, покраснел и поднял такой ор, что Любины кудряшки немедленно встали дыбом.

– О-о! – сказал Болотов, изучающе глядя на мальчишку. – Придется мне пойти на лестницу.

Он действительно отправился звонить на лестницу и через некоторое время сообщил, что никакого несчастного случая с Соней не произошло.

– По крайней мере в скорбных местах нет ни ее самой, ни ее тела.

Люба украдкой перекрестилась, а Лайма, которая держала ребенка на руках, незаметно перевела дух. С трудом им удалось унять Петю и заинтересовать его плюшевым зайцем с обгрызенным ухом. Он подумал-подумал и активно принялся за второе, а у взрослых появилась возможность обменяться мнениями. Болотов почесал переносицу и спросил:

– А кто видел ее последней?

– Мы с тобой, – взволнованно ответила Лайма. – В пятницу на остановке. Перед тем, как ты решил отправиться на работу.

– Я не сам решил, меня вызвали, – обиженно заметил тот. – Кстати, когда я развернулся и поехал в офис, то посмотрел в сторону остановки. Специально, чтобы проверить, уехала Соня или все еще стоит. Так вот: ее там не было.

– Ты в этом уверен? – недоверчиво спросила Люба. – Ты ведь развернулся и, значит, возвращался уже по другой стороне шоссе. Кроме того, была пятница – машин полно, что ты мог разглядеть?

– Нет, я бы ее увидел, – заупрямился Болотов. – Машин действительно было много, но они еле-еле ползли. Я бы заметил Сонин ярко-синий костюм, уверяю тебя.

– Значит, поговорив с нами, она ушла очень быстро, – задумчиво сказала Лайма. – Ты не помнишь, сколько было времени?

– Отлично помню, – он потер по очереди ясный высокий лоб, потом мужественный подбородок и в заключение аккуратно причесанный затылок. – Когда мне позвонили из офиса, было без нескольких минут семь.

– Выходит, около семи Соня с кем-то встретилась и ушла с тем человеком, – заключила Люба, а прагматик Болотов возразил:

– Или ушла одна. Мы же не видели этого своими глазами.

– В руках у нее был пластиковый пакет, – вмешалась Лайма. – Полагаю, там и лежал фотоальбом. Соня сказала, что встречается со школьным другом, которому должна его отдать.

– А мне ты заливала, что она отправляется к Возницыну!

– Так и есть. Сначала – старый друг, потом Возницын.

– Интересно, для кого она напмадилась...

Люба удивленно взглянула на них, и Лайма пояснила:

– Соня очень хорошо выглядела. Накрасилась, туфли на каблуке надела. Собралась по полной программе.

– Для Возницына, – уверенно заявила Люба. – Она жалела, что его бросила. Возницын – ее тип мужчины. Кроме того, он отец ее ребенка.

– Почему вы в этом так уверены? – пожал плечами Болотов. – Она могла навешать вам на уши лапши.

– Зачем?! – хором возмутились подруги.

– Мало ли. Женщины часто врут просто потому, что им нечем скрасить жизнь. Такая своеобразная романтика. Может, с отцом своего ребенка ваша Соня встретилась в каком-нибудь баре и даже не знает, как его фамилия. Но чтобы вас тронуть, она заявила, что папаша – Возницын. С ним у нее были серьезные отношения, вы его отлично знали и могли ей от души посочувствовать.

– Есть же тесты на отцовство, – возразила Люба. – Нам она могла соврать, но обмануть Возницына ей вряд ли удалось бы.

– А она всем сказала, – подхватила Лайма, – что едет к нему для серьезного разговора. И няньке сказала, и мне!

– Мало ли, что она наплела, – не сдавался Болотов. – Женщина подобна продавцу на восточном базаре: так все приукрасит, что миллион отдашь за старый башмак.

Лайма покачала головой, а Люба, которая меняла извивающемуся Пете подгузник, неуверенно согласилась:

– У нас в самом деле нет никаких доказательств.

– И Возницын говорит, что он с Соней не встречался уже целый год... – растерянно согласилась Лайма. – Очень все это загадочно.

Она рассказала, как предполагаемый Петин папаша прыгнул в реку, держа в руках авоську с булжником. Подробности преследования пришлось опустить, чтобы не шокировать Болотова.

В этот момент в прихожей прозвенел звонок, и все трое настороженно переглянулись.

– Может, милиция? – пробормотала Люба, мелкими шажками продвигаясь к двери. – Вдруг у них какие-то новости?

Однако за дверью обнаружилась не милиция, а Сонина соседка Поля, которую Лиза с Лаймой знали как особу чрезвычайно болтливую и назойливую. Она постоянно ходила по соседям с целью выяснить, кто чем занят, чем ужинает, что смотрит по телевизору, что новенького приобрел из мебели или посуды. Работала Поля ночной уборщицей и именно таким образом, вероятно, восполняла дефицит общения.

– Привет! – воскликнула она, вытягивая шею, чтобы заглянуть в комнату. – Что это у вас Петюня так голосит? С нянькой воюет? Ишь какой – наизнанку вывернется, а своего добьется! Настоящий мужик растет. Уважаю.

– Сони нет, – невпопад сообщила Люба.

– А где она? – Поля не собиралась уходить вот так сразу. Глаз у нее был наметанный, она точно знала, что интеллигентные люди ее за порог не вышвырнут. Тут можно вдоволь языком почесать.

– В том-то и дело, что этого никто не знает, – серьезно сказал Болотов, появляясь в коридоре.

– Ой! – зарделась Поля, которая каждого мужчину воспринимала как потенциального любовника. – Безумно приятно с вами познакомиться.

– Взаимно, – кротко ответил Болотов и сразу же спросил: – Когда вы видели Софию в последний раз?

– А чего с ней случилось? – тут же вскинулась та. – Померла?

– Почему – померла? – пискнула Люба.

– А почему – в последний раз-то?

– Имеется в виду *ваша* с ней последняя встреча, – Болотов был само терпение. – Когда лично *вы* ее видели?

– А-а! – Поля, вертлявая и модно взлохмаченная, с чистыми, но обломанными ногтями, хлопнула себя по лбу. – Я-то ее видела в пятницу. Недалеко отсюда, возле метро. Там, где магазинчик «Подарки», знаете?

Поскольку все смотрели на нее молча, она поспешно продолжила:

– Девятый час уж был. Минут двадцать девятого. А она несется вся расфуфыренная. С хахалем, наверное, куда-то намылилась ехать. Прямо налетела на меня. Такая была взволнованная, ничего перед собой не видела.

– А почему с хахалем, Поля? – осторожно спросила Лайма. – С ней кто-то был?

– Был, – уверенно кивнула та. – Только я не знаю – кто. Не видела. Она к киоску за сигаретами метнулась. Назад голову повернула и крикнула: «Я быстренько!» Ну, будто кто в машине возле тротуара ее остался ждать.

– И вы не взглянули – кто там такой? – не поверил Болотов.

– А машину, машину запомнили? – разнервничалась Люба.

– Вроде белая была машина, вся такая здоровая, иностранная. И стекла темные! Но точно не скажу, в ней ли Соня ехала или нет – грузовичок к киоску подрулил, обзор мне закрыл, – с огорчением призналась Поля. – Не успела я засечь, кому Соня там крикнула... Но она вся такая была – ух! Точно: свиданка у нее случилась в тот вечер. А чего, она ночевать не приходит?

– Поля, а пакет у нее пластиковый с собой был? – осторожно поинтересовалась Лайма, не ответив на вопрос. – Такой белый пакет, красивый, с пеликанами?

– Не, – покачала головой Поля, нервно перетаптываясь. – Не было пакета. Только сумочка на плече висела. И шарф на шее.

– Какой шарф? – хором спросили Лайма и Болотов.

Никакого шарфа на Соне в пятницу они не видели. И вообще – кто станет надевать на себя шарф теплым летним вечером?

– Такой желтый, а по полю – закорючки черные. Красивый шарф, нежный. Прямо настоящий шелк. Я его даже хотела потрогать. Но Соня так спешила, что мы и двух слов не сказали.

– Она, наверное, поздоровалась с вами? – предположила Люба. – Когда налетела?

– Ясное дело. Ой, говорит, Поля, это ты? Привет, я так тороплюсь, так тороплюсь! И все.

– Значит, она к киоску за сигаретами побежала, а вы... – подначил ее Болотов.

– А я в автобус села, он как раз подошел.

– Видели, какой марки сигареты она купила?

– Ну нет. Мне ехать надо было, а там на остановке и так толпа, я еле влезла. Пятница, вечер – чего вы хотите? Зачем я стоять-то буду?

– А вы из автобуса не посмотрели: что за машины у обочины припаркованы? – спросила Лайма. – Может, кроме той, белой с темными стеклами, еще какая-то приткнулась?

Почему-то ей казалось, что Поля по складу своего характера просто обязана была дознаться, с кем ее соседка ходит на свидания.

– Я хотела, – горячо заговорила та и даже всплеснула руками. – Но там кондукторша была – такая мымрища! Я еще ногу не занесла на ступеньку, а она уже протиснулась на зад-

нюю площадку и граблю свою загребушую протянула. Пока я мелочь доставала, автобус уже от остановки далеко уехал, и я все на свете прозевала.

Когда раскрасневшаяся от волнения соседка ушла, Лайма топнула ногой:

– Нет, ну какое невезение! Если бы не стечение обстоятельств, у нас появилась бы зацепка!

– Почему Соня столько времени торчала на одном месте? – задумчиво спросил Болотов, косясь на активизировавшегося ребенка, который отшвырнул зайца и встал в кроватке на четвереньки. – Около семи мы с ней расстались, а около половины девятого она все еще болталась у входа в метро.

– Ага. Только на другой стороне шоссе, – заметила Лайма. – Магазин «Подарки» на другой стороне, не там, где мы с тобой останавливались и с ней разговаривали.

– Одно ясно – она была с мужчиной, – мрачно заметила Люба. – А с каким – неизвестно.

– С чего ты взяла? – удивилась Лайма. – Мало ли женщин сейчас водят машины? Я ведь вожу.

– Большая белая иномарка с затемненными стеклами, – задумчиво сказал Болотов. – Не похоже, чтобы за рулем такого транспортного средства сидела женщина, вам не кажется?

– Но Поля не уверена, что именно в ту машину села Соня! – напомнила Люба.

– Наверное, лучше пусть милиция разбирается. Они умеют расследовать, а мы нет, – высказалась Лайма.

– Милиция сто лет будет разбираться, – возразил Болотов. – А ребенка куда девать?

– Найдем новую няню, – в голосе Лаймы послышалась неуверенность.

– Оставить ребенка с незнакомой теткой? – возмутился тот. – Хорошие няньки на дороге не валяются. Попадется какая-нибудь вертихвостка...

– А с кем же его оставить? У меня работа, у Любы тоже.

– Надо вызвать из Сибири Сонину мать, – безапелляционно заявил Болотов. К детскому вопросу он отнесся со всей серьезностью.

– Нет у нее матери. У нее никого нет, все поумирали. Остались только дядья да двоюродные сестры, но у них свои семьи. Конечно, может, кто и приедет, если милиция потребует, я не знаю. Но Петьку все равно надо пристраивать прямо сейчас. Не ждать же неизвестно сколько.

– Попрошу-ка я о помощи свою маму, – неожиданно решила Люба. – Только она сюда не поедет, надо будет Петьку к ней отвезти. Вы как?

– Это другое дело, – серьезно кивнул Болотов. – Мама годится, у нее опыт. И человек она свой, верный.

– Рада, что ты доволен, – ехидно заметила Люба, выхватив из кроватки ребенка, который принялся грызть перекладыны. – У него режутся зубы, надо купить ему пластмассовое кольцо.

– Как для собаки? – хмуро уточнил Болотов. – Вижу, вы понятия не имеете, как растить ребенка.

– Особенно я, – кивнула Люба. – У меня их всего двое.

– Ладно вам препираться, – вмешалась Лайма. – Я вот все думаю про желтый шарф. Откуда он взялся? Может, Соня купила его в каком-нибудь магазине поблизости от метро? Логично предположить, что это новая вещь. Вряд ли она, выходя из дому, положила шарф в пакет, чтобы надеть попозже. Может быть, стоит обойти все торговые точки вокруг станции? Вдруг продавцы ее видели? И не одну? Тогда мы хотя бы узнаем, с женщиной она была или с мужчиной.

– Или одна, – добавила Люба.

– Отличная мысль, – похвалил Болотов. – Хотя я уверен, что она была с мужчиной. Кто станет прихорашиваться и душиться только для того, чтобы поболтать с подружкой? Предлагаю заняться изысканиями завтра, сегодня все равно уже поздно. Раз Люба останется с мальчиком, мы с тобой будем действовать вдвоем. Милиции это дело передоверить нельзя. Милиция

предпочтет сидеть и ждать, пока где-нибудь всплывет неопознанный труп, а потом примется таскать нас на опознания.

Люба вздрогнула, а Лайма серьезно кивнула, соглашаясь. Ей и в голову не могло прийти, что назавтра жизнь ее изменится самым радикальным образом, что она уже вся напряжилась и готовится сделать кувырок через голову.

* * *

Прежде чем отправиться на работу, Лайма взглянула на термометр за окном. Опять – двадцать восемь градусов. Еще пару часов, и дышать станет решительно нечем. За несколько недель город пропитался жарой, словно пирог густым сиропом. Лайма надела легкое платье с вырезом на спине и вышла на улицу. Небо было ярко-голубым и казалось плотным, как парусина. От новенького тугого солнца отскакивали блики и прыгали по пыльным капотам. Сиденье в машине как будто намазали медом – оно противно липло к голой спине, а духота в салоне стояла убийственная. Лайма включила кондиционер и посмотрелась в зеркальце. Не-ет, недо-сыпать нельзя – все сразу отражается на физиономии. Это тебе не двадцать лет!

Вчера она сказала Болотову, что смертельно устала, и он уехал ночевать к себе. Вообще когда что-то случалось, Лайма предпочитала оставаться одна. «Ты как кошка, – негодовал будущий муж. – Забиваешься в угол и зализываешь раны. Ни погладить тебя, ни приласкать». Однако жизненный опыт показывал, что, если сделать мужчину плечом, оно немедленно попытается из-под тебя выскользнуть. Пусть лучше Болотову кажется, что Лайма не слишком ласковая, зато потом он не упрекнет ее в том, что она висит у него на шее.

К утру от Сони по-прежнему не было никаких известий. Зато проявилась милиция, и Лайма, волнуясь, выложила представителям правоохранительных органов все, что знала. Свои предположения тоже выложила. Однако успокоение не пришло. «Ничего, – думала она. – Сейчас переделаю главные дела на работе и все как следует обмозгую». Она понятия не имела, что у судьбы на нее другие виды.

Именно в этот день судьба приняла облик невысокого плотного человека с жидкими волосами, которые покорно лежали на голове, зачесанные слева направо. У него было круглое лицо с маленьким заостренным носом, твердый рот и блестящие, по-звериному проворные глаза. Человек стоял возле директорского кабинета, облокотившись о подоконник рукой, и смотрел, как Лайма дефилирует по коридору, стараясь не стучать каблуками.

– Здравствуйте, – приветливо поздоровалась она, подойдя поближе. – Ждете Николая Ефимовича?

Человек отрицательно покачал головой и без намека на доброжелательность ответил:

– Вас.

– Э-э-э... – пробормотала Лайма. – Хорошо. Тогда пройдемте в мой кабинет. И представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Борис Борисович, – сообщил мужчина, наблюдая за тем, как она вставляет в замок толстый блестящий ключ и отпирает дверь.

Борис Борисович вошел вслед за ней в кабинет и буквально по пятам проследовал к столу.

– Я сяду, – сказал он и, не дожидаясь разрешения, устроился в кресле для гостей. Положил руки на подлокотники и замер.

Лайма невольно отметила, что у него дешевый костюм, но галстук и ботинки – высший класс. Интересно, кто он такой – член очередной комиссии?

– Чаю? – спросила Лайма. – Минералки со льдом?

– Спасибо, мне не хочется, – ответил Дубняк, потому что это был именно он.

Живая Лайма оказалась гораздо симпатичнее, чем на фотографиях. Раньше, когда она преподавала английский в захудалом вузе, у нее было совсем другое выражение лица – более смиренное, что ли. Сейчас она твердо стоит на ногах и смотрит немного свысока, но ему это только на руку. Ее командирские замашки помогут осуществлению его замечательного плана.

– Итак, я вас слушаю, – заявила потенциальная жертва, заняв рабочее место и сложив перед собой руки: бесцветный лак на ногтях, на запястье – узкие часы на темном ремешке и всего одно колечко на пальце.

Дубняк обежал взглядом кабинет. Все предметы на столе простые и изящные. Мебель светлая, с закругленными краями. Акварели на стене, пронизанные солнцем, рождают в груди щемящее ощущение счастья. Он бы никогда не смог сосредоточиться в такой комнате. Значительные дела должны вершиться в полумраке.

– Я вас слушаю, – еще раз повторила Лайма и, взяв ручку, нацелила ее на белый лист, словно незванный гость собирался ей что-то диктовать.

– Ваш центр временно закрывается, Лайма Айваровна, – сказал Дубняк и положил ногу на ногу. Лайма вскинула на него обеспокоенный взгляд. – И в связи с этим я хочу предложить вам работу. Очень ответственную работу, – добавил он.

– Почему же центр закрывается? – спросила хозяйка кабинета, и Дубняк поразился ее внешнему хладнокровию. Только глаза у нее потемнели, из дымчато-серых в считанные секунды превратившись в графитовые.

– Здание находится в аварийном состоянии.

– Вы имеете в виду протекший кран в мужском туалете? – холодно поинтересовалась она.

– Не в моей компетенции обсуждать такие вопросы, – парировал Дубняк.

– А что же тогда в вашей компетенции?

– Вы.

– Не понимаю.

Лайма была озадачена. Опыт работы с людьми многому ее научил, ее трудно было поставить в тупик. Но этот странный маленький человек сразу произвел на нее гнетущее впечатление. Взгляд у него был какой-то нехороший, словно он замыслил подлое дело и прикидывал, как ловчее с ним справиться.

– Объяснитесь, пожалуйста, – попросила она. Даже не попросила, а потребовала.

Дубняк достал удостоверение и подержал его у Лаймы перед носом, ни на секунду не выпуская из рук. Документом он дорожил. Не только потому, что отвечал за него головой, нет. Он давал Дубняку ощущение свободы. И почти безграничных возможностей в мире обычных людей. Всякая дверь открывалась с помощью этого документа. Всякий рот развязывался. И на эту девицу удостоверение тоже произвело впечатление.

– Ах, вон оно что, – пробормотала она и взглянула на своего визави более внимательно.

– Однажды вы уже участвовали в нашей операции, – Дубняк приосанился и торжественно заключил: – Пришло время еще раз помочь своей стране.

– Ерунда! – неожиданно заявила Лайма. – Если бы я хотела стать разведчицей, то стала бы ею. У меня гуманитарное образование и ярко выраженное стремление выйти замуж. Вы не можете меня заставить.

– Конечно, нет! – замахал руками Дубняк. – Боже упаси! Мы никогда никого не заставляем.

Лайма насторожилась. Последние слова ей совсем не понравились. И интонации Бориса Борисовича тоже не понравились. Он уверен в том, что победит, на все сто. Неужели в службе государственной безопасности на нее есть какой-нибудь компромат? Чем она могла провиниться? Забыла заплатить за булочку в магазине? Задолжала за телефон? Задавила кошку депутата Государственной думы? У непрошеного гостя тем временем лицо сделалось таким умильным, словно ему только что вернули крупную сумму денег.

- А что я должна делать? – спросила Лайма, принимаясь барабанить пальцами по столу.
- Об этом мы поговорим, когда вы дадите свое принципиальное согласие.
- Не дам.
- Ну... Вообще-то... Конечно. В ближайшее время вы будете очень заняты...
- Чем это? – мрачно спросила Лайма.

Ей хотелось избавиться от этого человека как можно скорее. Он был, словно кусочек метеорита – не опасный сам по себе, но напоминающий о той страшной и неведомой силе, частью которой являлся.

– Вы же не бросите в беде вашу бабушку! Предстоят большие хлопоты, расследование, суд... Родственники потерпевшего требуют сатисфакции. Они во что бы то ни стало решили добиться того, чтобы ваша бабушка села.

– В тюрьму?!

– Она наехала на пешехода! В ее возрасте не следует водить автомобиль. Вероятно, она лет тридцать не сидела за рулем – и вот результат.

– Машину у нее угнали! – захлебнулась возмущением Лайма. – Она ведь подала заявление об угоне!

– Конечно. Задавила человека и подала. Чтобы избежать наказания. Бросила машину в чужом дворе, а сама отправилась домой и решила, что все как-нибудь утрясется.

– Вы не можете посадить в тюрьму старого человека! И к тому же невиновного!

– Почему это? – Дубняк сделал бровки домиком. – Она уже лет семьдесят как совершеннoлетняя и должна нести ответственность за свои поступки. Конечно, – добавил он медовым голосом, – если вы вдруг передумаете и решите все-таки нам помочь... Мы тоже вам поможем.

– Вы меня шантажируете! – воскликнула Лайма.

– Просто прошу проявить благоразумие, не более того.

Лайма встала и прошлась вдоль стола, потирая лоб ладонью. Мысли брызнули в разные стороны, словно мальки из дырявого сачка. Что делать? Как поступить? Отдать бабушку Розу на растерзание родственникам пострадавшего? Суду? Бабушка этого не переживет. Конечно, она дама своеобразная, но у нее обостренное чувство справедливости. Если Розу обвинят в том, чего она не совершала, ее дух будет сломлен.

Бабушка Роза была особой взбалмошной и всегда напоминала Лайме состарившуюся Мэри Поппинс. Она повсюду ходила с зонтом, любила выражать недовольство вслух и, беззастенчиво пользуясь своими сединами, ухитрялась командовать всяким, кто попадал в поле ее зрения. Лайма представила себе бабушку на скамье подсудимых и с трудом проглотила подступивший к горлу комок. Нет, это невозможно! Этого нельзя допустить!

– А что за работу вы предлагаете? Мне опять придется переводить? – спросила она, глянув на довольного собой Дубняка.

Тот с жадностью наблюдал за сменой выражений ее лица и нутром почувствовал, что победил. В сущности, он в этом и не сомневался, но ему всегда нравился момент триумфа. Момент, когда другой человек признает свое поражение. Потрясающее ощущение!

– В том числе и переводить, – кивнул он. – Нужно встретить одного важного индуса, выдав себя за другую особу. И учтите – это задание государственной важности.

Лайма уставилась на него в полном недоумении:

– У вас что, не хватает сотрудников? Почему вы обращаетесь именно ко мне? Чем я заслужила такую честь?

– Все очень просто. Нам нужна женщина, которая владеет английским, латышским и диалектом хинди-аваджи. Редкое сочетание, согласитесь. Вы уникальны в своем роде. Ваш отец латыш, и до развода родителей вы жили в Латвии, потому говорите без акцента. Английским владеете свободно, и на аваджи умеете разговаривать. Кажется, своими знаниями вы обязаны деду? Он ведь был – как это сейчас называется – врачом без границ? Катался по всему миру...

– Меня научил его ассистент, – призналась Лайма, не представляя, насколько хорошо Дубняк знаком с ее биографией. – Но на аваджи я могу только немного говорить, а писать не умею.

– А нам и не надо, чтобы вы писали, – неожиданно жестко сказал Дубняк и переменял позу. Сполз на край сиденья, а руками уперся в столешницу. – Сядьте.

Лайма рухнула на свое место, он же поднялся на ноги и навис над ней, словно ворон над раненым воробушком. Она подняла на него полные муки глаза:

– Неужели некому выполнить задание, кроме меня?!

– Решительно некому. Женщина, чью роль вы должны сыграть, обладала одной отличительной чертой – у нее были необычайно красивые ноги. Вот эти-то ноги в сочетании со знанием языков и стали причиной того, что мы остановились на вашей кандидатуре. В качестве переводчика вас могла бы заменить только профессор Кошкодамская-Бряббе, но ей восемьдесят один год и ее нижние конечности давно потеряли товарный вид.

– Послушайте, Борис Борисович, – голос Лаймы уже дал слабину. – Я ведь могу не справиться... Я не готова...

Дубняк распрямил плечи, поднял повыше подбородок и торжественно сказал:

– Лайма, ваши ноги нужны родине.

– Хорошо, – выдавила она из себя, понимая, что, раз на нее пал жребий, ее так или иначе заставят выполнить задуманное. Разве сможет она противостоять государству? Ей заранее не оставили никакого выхода.

– Под вашим командованием будут находиться еще два человека, – выстрелил в нее Дубняк очередной порцией информации. – Иными словами, вы возглавите спецгруппу, которая должна охранять очень важную персону. Иностранца.

Лайма хотела что-то ответить, но от неожиданности икнула. Она возглавит спецгруппу?! Будет отвечать за безопасность важного иностранца?! Это какой-то параноидальный бред. Нет, этого не может быть. Какой-то фарс, розыгрыш!

Однако Дубняк стоял тут, рожа у него была весьма противная, и его слова совсем не походили на розыгрыш.

– А... А что я скажу своему жениху? – выдавила она из себя. – Бабушке? Тете? Лучшей подруге, наконец?

– Ничего не скажете, – отрезал Дубняк. – Вам придется вести двойную жизнь, так что приготовьтесь к трудностям. Через два часа за вами заедет машина. Человека, который будет вас сопровождать, зовут Вадимом. Он отвезет вас на конспиративную квартиру, где вы познакомитесь со своими подчиненными. А потом вам огласят цель операции, и вы втроем сможете обсудить детали.

– А-а-а... – проклекотала Лайма. Но Дубняк не дал ей вставить ни слова.

– И не вздумайте, – пригрозил он, – куда-нибудь сбежать. Иначе ваша бабушка окажется в тюрьме раньше, чем вы доберетесь до аэропорта.

Дубняк встал и, поправив пиджак, вышел из кабинета. Лайма же так и осталась сидеть за столом, уставившись в одну точку. Какого черта она учила аваджи?! И какого черта она болтала об этом направо и налево? В институте ей хотелось покрасоваться перед высоколобыми студентами, а потом, когда она начала преподавать, нужно было поддерживать свой престиж. Вероятно, декан сотрудничал с органами безопасности и поставлял им разнообразные сведения о сотрудниках. Вот так она и засветилась. Теперь уже поздно локти кусать.

Через два часа за ней приедут. И она никому не должна говорить о своей миссии. Придется постоянно лгать и изворачиваться, а она не умеет! И как быть с Болотовым? Она больше не принадлежит себе, а значит, и ему. Как объяснить перемены в их отношениях? А перемены обязательно будут. Болотов обидчивый и подозрительный, как, впрочем, почти все мужчины.

Лайма немедленно представила, как целует спящего Болотова в щечку, натягивает джинсы, прячет в сумочку пистолет и в мягких теннисных туфлях – чтобы не наделать шуму! – сбегает по ступенькам к подъезду, где ее ждет неприметный черный автомобиль. За рулем сидит Томми Ли Джонс или, допустим, Александр Абдулов. Не поворачивая головы, он спрашивает: «Куда поедет, босс?» Она скользит на заднее сиденье, аккуратным рывком захлопывает за собой дверцу и отвечает: «Поезжай прямо, парень. Дальнейшие указания потом».

Интересно, а ей действительно выдадут оружие? Наверное, нет – стрелять-то она не умеет! Ощущение такое, словно ее только что забили в армию. Еще два часа вольной жизни – и все. А как же расследование? Бросить Любу одну? Оставить попытки отыскать Соню?

И, кстати: что там сказал нежданный и негаданный Борис Борисович про закрытие центра? Это просто уловка, или они и в самом деле проиграли битву за особняк? А может быть, центр закрыли спецслужбы? Специально, чтобы освободить ее от работы? Чтобы ей просто некуда было деваться?

Стоило ей об этом подумать, как в дверь постучали.

– Лайма! – плачущим голосом позвал Шепотков. – Ты уже все знаешь? – И всунул в кабинет свою неприкаемую голову.

Увидев, что она сидит за столом с расстроенным лицом, вошел и плюхнулся в то самое кресло, которое только что освободил Дубняк.

– Нам велено убираться к чертовой матери.

– Как же это, Николай Ефимович? – растерянно спросила Лайма. – Вроде бы ничто не предвещало... Как мы теперь будем?

– Всех сотрудников решено отправить в неоплачиваемый отпуск, – печально сообщил директор и потер грудь с левой стороны. Вероятно, его сердце не могло смириться с утерей руководящей должности. – Пока нам будут подыскивать новое помещение, можно немного отдохнуть... Последняя комиссия вроде бы не нашла никаких огрехов, а сегодня вдруг приезжает человек с бумагами и заявляет, что здание нужно отремонтировать или снести. Поскольку мы не можем финансировать реконструкцию, нам предлагают выехать. Город, конечно, обещает найти что-нибудь подходящее...

– Какой-нибудь полуподвальчик, – подхватила Лайма. – И там мы устроим что-то вроде зооуголка. Станем разводить морских свинок и дарить их победителям конкурса на лучший рисунок. А по вечерам к нам будут приходить пенсионеры со своей доской для шахмат. Отличные перспективы!

– У меня нет никаких рычагов, – печально признал Шепотков. – Я обычный наемный работник, которого могут уволить в любой момент. Мы не зарабатываем больших денег. Может, нужно было сдавать помещения подо что-нибудь более прибыльное?

– Сейчас уже поздно локти кусать, – вздохнула Лайма. – Закрыли, так закрыли.

«Интересно, – подумала она. – А мне будут платить за сотрудничество со спецслужбами? Если нет, то на что я стану жить?» Ежемесячный доход у нее был не слишком большим, но и не позорным. Она не чувствовала себя бедной и не искала более высокооплачиваемую работу. Но остаться совсем без денег? Этого она позволить себе не могла – никакого запаса прочности у нее не было, потому что всю зарплату она проживала до копейки.

– А который сейчас час? – спросила Лайма, тревожно встряхивая рукой, словно ее часы вообще перестали показывать время. На самом-то деле они шли как обычно, просто Лайме стало сильно не по себе.

– Вы уже уходите? – опечалился директор. – Хотя вас можно понять. Поезжайте, я сам разберусь с бумагами. Хотите сразу забрать личные вещи?

– У меня здесь нет личных вещей, – призналась его распорядительница. – Все общественное.

Она и в самом деле никогда не ставила на стол фотографий, не сажала на шкаф плюшевых зайцев. Ей казалось, это все равно что исповедоваться первому встречному.

– Я уже поговорил с остальными, – вздохнул Шепотков. – Все в грусти и тоске. Один вахтер предлагает не сдавать позиций и устроить голодовку на Красной площади.

– Не думаю, что это хорошая идея, – призналась Лайма.

– Я тоже против. Но он сказал, что, если его не поддержат, он все равно пойдет голодать. Один. Правда, на всякий случай возьмет с собой надувной матрас. Вдруг ночью ударят заморозки?

Лайма закатила глаза. В такую жару при открытых окнах невозможно спать без вентилятора – какие уж тут заморозки? Впрочем, вахтера можно понять и простить: он провел веселое детство у пионерского костра, бурную молодость в комсомольских строительных отрядах, возводил плотины в дружественных странах Африки и Азии, а теперь вот засел возле парадной двери. Вероятно, нрав брал свое и ему по-прежнему хотелось подвига.

Чтобы как-то скоротать время, Лайма предложила Шепоткову разобрать папки с документами, которые хранились у нее в столе. Вдвоем они споро принялись за дело. Однако сосредоточиться по-настоящему никак не удавалось. Не доверяя собственным часам, Лайма то и дело спрашивала у директора, сколько сейчас времени, и в конце концов так разнервничалась, что у нее стали трястись руки, как у заправского алкаша.

Подумать только! Она – секретный агент. Выходит, ей придется рисковать собственной шкурой? Ее в любой момент могут заколоть ножом или скосить автоматной очередью, как картонную фигуру в тире. Пароли, отзывы, секретные телефонные номера, ночные погони – неужели все это у нее в перспективе? Или она преувеличивает? Задание окажется будничным и скучным. Она и еще двое незнакомых людей встретят особо важного индуса, сунут его в автомобиль, привезут в гостиницу и продержат там несколько дней. Потом посадят этого типа в самолет до Бомбея – и привет, задание выполнено!

Стрелка подползала уже к концу второго круга, Лайма смотрела на нее пристально, словно гипнотизер на вертлявого пациента. Возможно, как раз сейчас возле входа в центр остановился длинный автомобиль, ткнувшись грозной мордой в бордюр. Из него вышел суровый человек, который уже поднимается по лестнице. Она вскинула голову и уставилась на неплотно закрытую дверь. И тут из коридора донесся звук шагов. Кто-то неторопливо шел, поскрипывая ботинками. Шепотков, сидевший спиной ко входу, ни на что не обращал внимания.

Шаги приблизились, и Лайма так напряглась, что даже почувствовала дурноту. Взор ее затуманился, а комната неожиданно качнулась сначала влево, а потом вправо, как будто находилась в чреве корабля, который на всех парах несется в открытое море. У Лаймы перехватило дыхание, и тут...

В кабинет, быстро постучав, вошел Роберт Агашкин с букетом алых роз.

– Здрасьте! – поздоровался он так громко и весело, точно жизнь стелила перед ним бархатный ковер, а удача шла впереди и кланялась ему в пояс. – Лаймочка, я принес тебе цветочки!

Роз оказалось так много, что они скрыли почти всю верхнюю половину Агашкина. Нижняя половина состояла из замусоленных брюк и огромных замшевых сандалий, из которых во все стороны лезли такие же огромные агашкинские ноги.

– Боже ж ты мой! – изумился Шепотков, крутнувшись на стуле. – Вот это я понимаю – знак внимания!

– Здрасьте, – повторил персонально для него Агашкин, высунувшись из-за букета.

Это был молодой блондин с мягкими чертами лица и темпераментными глазами. В глазах сидела сумасшедшинка. Именно она придавала всему его облику некую карикатурность – его просто невозможно было принимать всерьез. Розовые полупрозрачные уши торчали с двух сторон, словно сомнительное украшение коротко стриженной головы.

Лайма, для которой появление Агашкина оказалось полной неожиданностью, обмякла в своем кресле.

Она чуть с ума не сошла от волнения, ожидая появления связного, а это, оказывается, вовсе не он, а так – сплошное недоразумение.

– Лаймочка! – воскликнуло недоразумение. – У меня важное дело, поэтому я решил нагрнуть неожиданно. Ты не сердись?

– Она не сердится, – заверил его Шепотков, сгребая бумаги. – Оставлю-ка я вас вдвоем. Дело молодое...

– Нет-нет, – горячо возразил Агашкин. – Не уходите, будьте любезны. Я хочу, чтобы как можно больше людей знало о моих чувствах.

– О них и так знает полгорода, – подала слабый голос Лайма.

Пелена продолжала висеть у нее перед глазами, а сердце со страшной скоростью колотилось о ребра и, кажется, даже пытело, словно раскочегаренный паровоз.

Роберт Агашкин был ее давним воздыхателем. Еще в детстве, когда они вместе бегали по парку с рогатками, он заявил, что непременно женится на Лайме. Свою уверенность в положительном исходе дела он пронес через всю жизнь и вот наконец дозрел до предложения руки и сердца. Надо заметить, что более неудачный момент выбрать было просто невозможно. Лайма не знала, что с Робертом делать – накричать на него, выгнать с треском или просто рассмеяться.

– Лаймочка, почему ты так на меня смотришь?

Волнуясь, Агашкин всегда употреблял слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Сейчас он чертовски волновался. Шутка ли – он решил жениться.

– Лаймочка! Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Короче, предлагаю тебе руку и сердце. – И Агашкин пал перед ее рабочим столом на колени. Голова его оказалась как раз на уровне столешницы, и он положил подбородок на самый ее край. – Лаймочка, я люблю тебя безмерно!

– Ах, молодой человек, – откликнулся вместо нее взволнованный Шепотков. – Вы налетели просто как ураган. Даже я опомниться не могу, а уж девушка и подавно.

Комната продолжала качаться перед Лаймой, и, чтобы унять эту качку, она схватилась пальцами за край стола. Агашкина ей только не хватало! Сейчас придет связной, а тут у нее настоящий цирк. Дышать стало нечем, и она вяло обмахнулась ладошкой.

– Смотрите, молодой человек, как она взволнована! – продолжал наседать Шепотков. – Виданное ли дело: налетать, как смерч?

Для Агашкина сравнение со стихийным бедствием не являлось чем-то необычным. Нелепый и смешной, он имел кучу прозвищ, и все, как одно, были связаны с какими-нибудь катастрофами. Человек-авария, разрушитель, мастер-ломастер и так далее. Он уже давно перестал на это болезненно реагировать.

– Ох, Роберт, – простонала Лайма.

– Лаймочка, так ты согласна? – вкрадчиво спросил Агашкин, выудив из кармана коробочку с выпуклой крышкой, в которой, конечно же, лежало кольцо.

Не такое простенькое и славное, как у нее на пальце, а серьезное, исполненное достоинства кольцо с желтым бриллиантом. Когда коробочку открыли, бриллиант уставил свой холодный глаз в потолок, ожидая, когда им начнут восхищаться.

В этот самый момент обостренным слухом Лайма уловила, что по коридору к двери кабинета снова кто-то приближается. Шаги, кстати, были совсем иными, чем у Агашкина – более стремительными. Шепотков тоже их услышал и немедленно вскочил на ноги.

– Я задержу его, кто бы это ни был, – заверил он. – Такой момент нельзя повторить!

Лайма попыталась остановить услужливого директора, но из ее горла вырвался лишь невразумительный хрип, который Агашкин немедленно попытался истолковать в свою пользу.

– Это значит – «да»? – с агрессивной надеждой в голосе уточнил он.

Поскольку голова его так и стояла на столешнице, нижняя челюсть несколько раз клацнула о лакированную поверхность.

– Боже мой, – просипела Лайма, продолжая обмахиваться рукой. – Мне нечем дышать...

– Я тоже взволнован, – признался Агашкин, вскакивая на ноги. – Только, Лайма, ты должна сказать «да» более определенно. Я мечтаю услышать громкий и внятный ответ. Так – да? Лайма, скажи – да?

В этот момент в дверь всунулся Шепотков и крикнул:

– Тут ваш, значит, Лайма, друг пришел. – Подумал и добавил: – Еще один. Впустить?

– Да! – воскликнула Лайма.

– Какое счастье! – завопил Агашкин и тут же принялся скакать по кабинету в припадке буйной радости. – Я могу назначить день свадьбы?

– Пожалуйста, поскорее! – попросила Лайма, вытирая пот со лба.

Обращалась она, естественно, к Шепоткову. Если она правильно поняла, приехал Болотов. Но как не вовремя! Почему он примчался в такую рань? Что ему тут надо? Никогда прежде он не являлся к ней на работу, а если заезжал, то всегда ждал ее снаружи, в машине. Потому-то директор центра даже не знает его в лицо.

В ней поднялась тяжелая волна раздражения против Алексея. Он не имеет права вмешиваться в ее жизнь! Она же не ездит к нему на фирму и даже никогда не звонит – только в самом крайнем случае. Лайма попыталась вспомнить, когда в последний раз произошел такой случай – и не смогла. То есть она вообще не звонила ему среди дня. Не дергала по пустякам, не отвлекала от важных клиентов. А он! Он почему-то посчитал возможным приехать без предупреждения и подняться прямо сюда. С какой стати?

Болотов вошел в кабинет такой гневный, что у Лаймы при взгляде на него еще сильнее испортилось настроение. Она ненавидела его гневного. В таком состоянии он был не способен вести конструктивный диалог, а только брюзжал и зудел. Вероятно, Шепотков сказал ему, почему нужно подождать за дверью, и он рассвирепел. Отлично. Просто здорово. Сейчас явится связной, а у нее тут скандал с двумя претендентами на руку и сердце.

– Что здесь происходит? – воскликнул Болотов, и сразу же стало ясно, что одним брюзжанием дело не ограничится. – Что вы тут делаете? Кто это такой?

– Это наш директор, – ответила Лайма, хотя Болотов, конечно, имел в виду не коротенького и пожилого Николая Ефимовича, а молодого и здорового Агашкина.

Агашкин отлично знал, что у Лаймы с Болотовым роман, но всегда делал вид, что не придает ему значения и рассчитывает просто переждать эту ее блажь, как бурную, но короткую летнюю грозу. Болотов, в свою очередь, тоже знал о существовании Агашкина, но никогда его не видел. Можно сказать, что Лайма его прятала. Прежде Болотов верил, что тот не заслуживает внимания. Но теперь...

– Здрасьте, – пробормотал Шепотков, раз уж его представили. – Я директор, но центр временно закрывается. Вернее, переезжает. Но пока неизвестно куда.

– Отлично, – пробормотал Болотов, по-прежнему не сводя глаз с Агашкина. И повторил, обращаясь непосредственно к нему: – Так кто вы такой?

– Агашкин я, Роберт. Мы с Лаймой решили пожениться!

Его прозрачные уши из розовых стали малиновыми и теперь удивительно смахивали на кружочки малинового желе, которое Лайма подавала по воскресеньям к завтраку со взбитыми сливками.

– Удивительно, – ядовитым, не подходящим ему тоном откликнулся Болотов. – Мы с ней решили то же самое.

– Наше решение созрело позже, чем ваше, – парировал Агашкин, выставив вперед ногу с торчащими веером из сандалий пальцами. – Оно-то и вступает в силу.

– Ха-ха-ха! – затрясся восхищенный Николай Ефимович. – Чего только люди не придумают! Это вам, милый друг, не завещание, а чувства, материя тонкая. За них можно и по морде схлопотать.

Болотов, который ни с кем никогда не дрался, даже в детстве, предпочитая или переговоры, или бег по пересеченной местности, неожиданно подхватил его мысль:

– Хотите по морде, как вас там?

– Это Роберт, – слабым голосом сказала со своего места Лайма. – Я тебе про него рассказывала. На него можно не обращать внимания. Пожалуйста, сейчас не до этого.

– Лаймочка, но ты только что сказала мне «да»! – закричал оскорбленный Агашкин.

– Я сказала «да» не тебе, а Николаю Ефимовичу! – живо возразила Лайма.

– Я тут ни при чем! – испугался Шепотков, когда оба кандидата в женихи устали на него с нехорошим изумлением. – Это просто неудачная формулировка. У меня жена, детки... Я чист, как этот... как его...

– Эдельвейс, – подсказал Агашкин.

– Ну вот что! – воскликнула Лайма, усилием воли взяв себя в руки. – Прекратите ссориться. Алексей, почему ты здесь в такое время? Я тебя не ждала.

– Я вижу, – хмыкнул тот. – В сущности, я приехал сообщить, что сегодня с утра проверил все лотки и магазины неподалеку от метро. Но тебе сейчас явно не до этого!

Лайма всполошилась. Связой мгновенно вылетел у нее из головы. Неужели есть какие-то подвижки в их поисках Сони?

– Ты что-нибудь нашел? – воскликнула она и подалась вперед с такой заинтересованностью, что Болотов как-то сразу остыл.

В конце концов они еще не женаты, как он может ею распоряжаться? Но этот Агашкин! По рассказам Лаймы Алексей представлял его личностью карикатурной – каким-нибудь косым и хромоногим коротышкой, а он, оказывается, высокий блондин, да еще чертовски активный. Тем не менее Лайма сейчас смотрела не на Агашкина, а на него, причем во все глаза.

– Увы, – ответил Алексей, совершенно успокоившись. – В районе метро никто не торгует шелковыми желтыми шарфами с черными закорючками. Вообще никакими желтыми шарфами. Или Соня принесла его с собой, или ездила за ним специально в какой-то другой магазин, или... Или это чей-то подарок. В таком случае становится понятным, почему она сразу же повесила его на шею. Я лично склоняюсь к последней версии. Кто-то подарил ей шарф, и она немедленно его надела.

– Послушайте, молодежь! – весело заявил Николай Ефимович. – Пойду-ка я в свой кабинет. У меня дел по горло, а вы тут общайтесь. Кстати, – обратился он к Агашкину. – Может быть, вы тоже пойдете? Домой?

– Нет уж, – рявкнул тот. – Сначала я дождусь, пока уйдет этот... этот... – Он никак не мог подобрать подходящее слово. Ничего оригинального не придумал и выпалил: – Этот болван.

– Кто, я болван?! – вскипел Болотов.

Ему только показалось, что он взял себя в руки и остыл. На самом деле все в нем клокотало. Поэтому он схватил со стола папку с бумагами и, не задумываясь, швырнул ее в Агашкина. Папка ударилась о напряженное тело, глухо сказала: «Пум!», и на пол из нее полетели страницы с печатным текстом, утяжеленные официальными печатями и подписями.

– Швыряться?! – закричал в свою очередь Агашкин, бросился было на Болотова, но под ногу ему попала плотная глянцевая страница, он поскользнулся и загрохотал на пол.

Лайма и Шепотков начали его поднимать, но тут дверь широко распахнулась, и в кабинете появился прилизанный узкоплечий тип, похожий на нуждающегося студента.

– Привет, – довольно нагло сказал он и показал частокол острых и длинных зубов, которыми можно было легко компостировать билеты. Обежал взглядом разбросанные по полу бумаги, заметил Агашкина на четвереньках и радостно спросил: – Работаете?

– Здравствуйте! – Из пересохшего горла Лаймы, словно тяжелый бильярдный шар, выкатилось приветствие.

Она сразу поняла, кто пришел. Боже мой, это просто какая-то пародия на Джеймса Бонда! Но делать нечего – придется играть по его правилам.

– Дорогуша, ты готова? – поинтересовался зализанный тип, который наверняка отзывался на имя Вадим. – Машина внизу. – И он покрутил на пальце ключи с хвостиком брелока. – Давай шевелись, подружка.

Вид у него был самоуверенный, даже наглый. Лайма посмотрела на него с неожиданным раздражением. Зачем ему понадобилось выдавать себя за ее приятеля? Придумал бы что-нибудь другое: например, приехал чинить компьютер или прочищать вентиляционные трубы. Или фантазии не хватило?

– Вы кто? – с невероятным апломбом спросил Агашкин, продолжая стоять на четвереньках.

– Друг, – не моргнув глазом, ответил «студент». – Близкий друг.

– Лайма! – вскричал потрясенный Болотов. На его лице заходили желваки. – Что за игру ты затеяла? Как получилось, что у тебя образовалось сразу три очень близких друга?

Лайма моргнула. Родина родиной, но остаться старой девой ей не хотелось. Поэтому она набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

– Это мой брат.

Вадим перестал крутить ключи на пальце, шевельнул бровями и, вероятно, оценив обстановку, серьезно подтвердил:

– Ну да. Я брат.

– О! – протянул Болотов с кривой ухмылкой. – Что-то я о вас никогда не слышал... брат. В своем светлом щегольском костюмчике он был похож на ошетилившегося домашнего кота, который мордой к морде столкнулся с помоечным пронырой.

Проныра напустил на себя немного важности и ответил:

– Мы с Лаймой недавно нашли друг друга.

– Где же вы жили все эти годы?

– В детском доме, – быстро соврал тот. – В Хибинских горах. Мать отдала меня туда потому, что я постоянно болел.

– Алексей, я тебя очень прошу мне поверить, – сказала Лайма с нажимом, подойдя к Болотову вплотную. Взяла его за пуговицу рубашки и потянула на себя – для убедительности. – Я тебе потом все объясню. А сейчас нам с Вадимом нужно ехать по делу. Как только освобожусь, я тебе позвоню, хорошо?

– Лайма! – взвизгнул Агашкин. – Ты забыла обручальное кольцо! Мое кольцо! Наше с тобой кольцо!

– Возьми свое кольцо, – зловещим голосом посоветовал Болотов, поймав его за штаны, – и подари его своей собаке.

– Лайма, – негромко сказал Шепотков, схватив ее за рукав. – Ты хочешь оставить этих типов на меня? Прошу тебя, не делай этого! Их надо как-то отсюда выкурить. Боюсь, самому мне с ними не справиться. Они могут затеять драку и побить горшки с общественными традесканциями.

– У нас есть вахтер, – прошипела та, отчаянно переживая, что связному приходится так долго ждать. – Скажите ему, пусть выдворит их на улицу.

– Вахтер поехал за надувным матрасом, – напомнил директор. – А больше тут нет никого подходящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.